

0724915-1

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

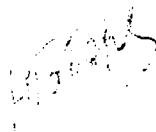
На правах рукописи

ГАБДРЕЕВА НАТАЛИЯ ВИКТОРОВНА

**ФРАНЦУЗСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой
степени доктора филологических наук

Казань 2001

Диссертация выполнена на кафедре восточных и европейских языков
Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева

Научный консультант — доктор филологических наук,
профессор Юналеева Р.А.

Официальные оппоненты:

академик РАО, доктор филологических наук, профессор Леонтьев А.А.
доктор филологических наук, профессор Зубкова Л.Г.
доктор филологических наук, профессор Жолобов О.Ф.

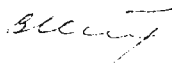
Ведущая организация: Институт русского языка Академии Наук РФ
им. В. В. Виноградова

Защита состоится «_____» декабря 2001 г. в _____ час на заседании
диссертационного совета Д 053. 29.13 в Казанском государственном
университете по адресу: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им.
Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан _____ ноября 2001 г

Ученый секретарь диссертационного
совета, кандидат филологических
наук, доцент

В.С.Дмитриева

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000090231

Актуальность исследования. Проблема языковых контактов и заимствований является одной из центральных в исторической лексикологии. Общеизвестно, что заимствование – один из важнейших универсальных источников пополнения лексики любого языка. “Нет и не может быть ни одного чистого не смешанного языкового целого,” – писал И.А. Бодуэн де Куртенэ, понимая под “смешением” в узком смысле процесс языковой миграции (Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 363)

В русском языке значительный пласт составляет лексика французского происхождения, отражающая историю французо-русских взаимоотношений, находящаяся в неразрывной связи с политическими, экономическими, культурными контактами двух стран. Настоящая работа посвящена исследованию формирования, становления и развития лексики французского происхождения в период середины XVIII–XX вв. Общеизвестно, что “увлечение Францией, огромный интерес к французской политической и общественной жизни, к ее литературе и искусству, нравам и модам были долголетней (и одной из самых прочных) традиций русского дворянского общества” (Манфред, с. 349). Французские заимствования как доминирующие выделяются со 2-ой половины XVIII в. включительно до конца XIX в. (Булаховский, 1954, Живов, 1996, Сорокин, 1965, Успенский, 1985). “Галломания к. XVIII – н. XIX в. представлялась национальной катастрофой, и в языке это сказывалось яснее, чем в какой-либо другой области,” – отмечает В.М.Живов (Живов, 1996, с. 444). Отношение к французскому языку в России в разное время не было одинаковым: можно с уверенностью говорить о двух крайностях – от двуязычия и галломании до ксенофобии и нигилизма. Обе эти тенденции могли действовать параллельно, как например в сер. XVIII – нач. XIX вв., и дистантно. Однако несомненно, что воздействие французской культуры на жизнь русского образованного общества всегда было велико (Заборов, 1978, Ковалевская, 1965, Лотман, 1999, Манфред, 1961, Успенский 1985, Шанская, 2001, ИПХЛ).

Различным аспектам изучения французо-русских языковых контактов посвящены статьи, монографии, этимологические заметки, эссе, истории происхождения. (Будагов, 1970, Гальди, 1962, Козлова, 1970, Крысин, 2000, Муравьев, 1976, Огиенко, 1913, Соболевский, 1891, Сорокин, 1965, Черных, 1959). Сведения об изучении заимствований в XX в. до 80-х гг. содержатся в указателе Е.А. Левашова (Левашов, 1983).

Актуальность проблемы обусловлена прежде всего отсутствием систематических исследований в этой области. Среди работ, в которых проблема французских заимствований так или иначе затрагивалась, можно выделить два больших направления. Во-первых, в русском и советском языкознании галлицизмы изучались в общей массе заимствованных слов. Это прежде всего работы исторического характера, посвященные общим направлениям развития заимствованной лексики в связи с общими тенденциями языкового развития (Балалыкина, 1998, Бельчиков, 1959, Борисова, 1978, Булаховский, 1934, Булич, 1885, Василевская, 1968, Веселитский, 1972,

Виноградов, 1982, Демьянов, 2001, Живов, 1996, Кустра, 1981, Орешкина, 2000, Сорокин, 1965, 1966, Хютль-Ворт, 1963, Шетэля, 1979, Эфендиева, 1999, ИЛ, ЛРЛЯ). Фундаментальным исследованием является монография Е.Э.Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л.Кутинсой. Общим процессам, происходящим в русской лексической системе, специфике периодов заимствования и особенностям функционирования иноязычной лексики посвящены монографии московских ученых. Галлицизмы изучались в составе лексикотематических групп (Беркович, 1981, Елисеева, 1984, Кассина 1982, 1983, Кустра, 1981, Назарова, 1973, Полякова 1982, Пылакина, 1976, Сергеев, 1973), отдельных пластов (Баско, 1984, Грачев, 1997, Лисицына, 1994, Миронова, 2000), в стилистическо-функциональном аспекте (Кутина, 1966, Флоряну, 1982). В синхроническом плане лексика французского происхождения наряду с другими западно-европейскими заимствованиями исследовалась В.Г.Гаком, Л.П.Ефремовым, Л.П. Крысиным, А.А. Брагиной, однако эти работы в основном носят дескриптивный характер, не прослеживают эволюцию слов и явлений, а описывают общие теоретические проблемы, связанные с миграцией (определение сущности, причин процесса заимствования, признаков ассимиляции, границ вхождения слова, общих семантических процессов).

Вторую группу составляют работы, посвященные непосредственно галлицизмам (Готлиб, 1966, Димитрова, 1984, Калиневич, 1978, Киндеревич, 1992, Миронова, 2000, Михайлова, 1996, Огиенко, 1915, Петренко, 1975, Пылакина, 1976, Хяютина, 1975, Шапкина, Киричок, 1988.) Большинство из них затрагивает различные аспекты функционирования лексем в современном русском языке: французские заимствования в составе фразеологического фонда исследует Е.А. Миронова, особенности грамматической ассимиляции рассматривает В.И.Петренко, словообразовательный аспект – Е.А. Михайлова, М.М.Калиневич проводит анализ с точки зрения фонологии, морфологии и акцентуации, результаты семантического освоения галлицизмов в современном русском языке и сопоставление этих данных с другими языками содержатся в исследованиях Г.М. Готлиба и Т.Р.Димитровой. Из работ исторического характера известны диссертационные исследования О.М.Добровольского-Доливо, который рассматривает становление лексем одной тематической группы – военной терминологии, О.Н.Пылакиной, предпринимавшей изучение французских заимствований периода конца XVII – начала XVIII вв., и А.И.Киндеревич, которая анализирует галлицизмы на материале произведений и переводов XIX века. Таким образом, систематическое описание лексики французского происхождения в диахроническом плане сер. XVIII – XX вв. в важнейший период формирования единых национальных норм русского литературного языка отсутствует.

Цель исследования – изучение основных особенностей функционирования и закономерностей адаптации галлицизмов в переводах периода сер. XVIII – XX вв. в связи с общими тенденциями языкового развития. Этим обусловлены и поставленные задачи:

- 1) выявить одновременные переводы французской литературы, которые собственно явились источником пополнения русской лексической системы галлицизмами;
- 2) проследить историю галлицизмов в русском языке;
- 3) выявить словообразовательные, фонетико-орфографические варианты, не сохранившиеся в современном русском языке лексемы;
- 4) изучить тенденции и процессы, протекавшие в области лексики французского происхождения на разных исторических этапах;
- 5) описать поэтапное освоение галлицизмов на разных временных срезах;
- 6) выявить специфику проявления процесса адаптации в переводной литературе;
- 7) определить механизм замещения французского слова некоррелятивным галлицизмом;
- 8) определить характерные для каждого периода способы передачи галлицизмов, выяснить зависимость между освоением лексического значения и способами введения заимствованных слов в текст;
- 9) установить степень регулярности процесса субституции;
- 10) определить критерий, степень восприятия французских слов от иностранных до функционально освоенных и осуществить теоретический анализ.

В диссертации рассматриваются также конкретные вопросы соотношения галлицизма и прототипа, семантическая история галлицизмов в русском языке, степень употребительности значений в разные периоды и отражение реального семантического объема в лексикографических источниках, причины неупотребления в переводах известных прототипов, особенности рецепции в каждый период, способы элиминации лакун и способы передачи одного грамматического значения в типологически различных языках.

Научная новизна. Специфика работы заключается в привлечении в качестве основного материала исследования заимствованной лексики переводов. Новизна этого подхода заключается в двух моментах: во-первых, в том, что впервые предпринимается комплексное изучение галлицизмов – значительного пласта русского языка в период сер. XVIII – XX вв., во-вторых, на таком специфическом материале, как переводы. Этот материал позволит проследить процесс вхождения, освоения, изменения, варьирования и стабилизации лексем в связи с общими историческими процессами в лексическом составе русского языка. Положенный в основу принцип одновременности позволяет проследить этапы становления фонетического, морфологического, семантического статуса галлицизмов, определить спе-

цифику ассимиляции, в целом помогает воссоздать картину формирования пласта лексики французского происхождения в русском языке сер. XVIII – XX вв. Имеющиеся статьи, монографии и диссертации основаны на самых разных источниках, и лишь немногие из них, в основном исторического характера, среди текстов художественной литературы, публицистики рассматривают переводы. Как самостоятельный источник изучения языковых средств этот вид памятников все чаще привлекает внимание исследователей (Байрамова, 1973, 1982, Биbihин, 1976, Верещагин, 1971, Дурново, 1969, Казакова, 2000, Комиссаров, 1970, Окладникова, 1978, Петров, 1985, Рещер, 1962, Россельс, 1955, Степанов, 1975, Теория, 1985, Хазов, 1974). В последнее время появилось немало работ, в основу которых положен принцип одновременности (Алексеев, 1980, Грибанова, 1985, Лукичева, 1971, Марков, 1993, Никифорова, 1995, Петрунин, 1985). Одной из первых была монография Е.М. Иссерлин, которая на шести переводах польского оригинала прослеживает становление русской лексики конца XVII века, определяет место заимствований в системе языка, а также подробно рассматривает те слова, которые не заимствовались, а переводились, и выясняет причины этого явления. Другие работы используют данный принцип для изучения динамики всех языковых средств (Алексеев, 1980, Максудова, 1973, Марков, 1993, Николаева, 1995, Чевела, 2000), либо отдельных явлений, например, лексической синонимии имен (Петров, 1985), исторической стилистики (Головчинер, 1959, Флоряну, 1982), становления научной терминологии (Лукичева, 1971) и делового стиля (Петрунин, 1985). Однако специальных исследований по заимствованной лексике на материале переводов очень мало. Между тем этот вид памятников чуть ли не единственный источник, который позволяет исследователю установить, во-первых, осознается ли данная единица как заимствованная, чужеродная, либо в сознании носителя она причисляется к средствам русского литературного языка соответствующего периода, другими словами, в основе данного определения лежит восприятие заимствованного слова. На основе этого нами выделен новый критерий освоенности заимствованного слова – употребление его в ситуации без прототипа и рассматривается механизм такого замещения в разные периоды. Во-вторых, период адаптации, который составляет время между так называемой первой фиксацией и годом, когда галлицизм зафиксирован вне зависимости от оригинала, это понятие, которое может быть охарактеризовано более всего на материале переводов. Очевидно, что определение времени освоения каждого заимствованного слова, т.е. превращения “чужого” в “свое” является не только хронологическим, но и подразумевает качественную характеристику.

Источниками послужили переводы произведений французских писателей Бомарше, Вольтера (практически все произведения в прозе), Люше, Маршана, Мерсье, Мольера, Монтескье, Муи, Прево, Реньяра, Руссо, Фенелона, Флориана, выполненные в период сер. XVIII – XX вв. (более 1000 текстов, включая периодику). Подбор осуществлялся таким образом, что каждый оригинальный текст имел по несколько одновременных пере-

видов в каждом веке. Исследование на таком специфическом материале было сопряжено с рядом трудностей:

1) Лингвистическому исследованию предшествовали значительные библиографические поиски, простое выявление всех переводов одного произведения сер. XVIII – XX вв. представляет большую работу, осложняющуюся отсутствием единого указателя. Так, для XVIII века осуществлялась тщательная выборка из справочников, пособий и указателей, например, шеститомного сводного каталога “Русская книга XVIII века”, для XIX века это “Библиографический указатель переводной беллетристики в связи с историей, литературой и критикой”, использовались данные карточки переводов имени А.Д. Умикян (РНБ, Петербург), материалы отдела рукописей, Музея книг (РГБ, Москва), отдела рукописей и редких книг (Казанского государственного университета), рукописного фонда Библиотеки Академии Наук, Государственной театральной библиотеки им. Луначарского (Петербург), Музея Малого театра (Москва). Изучались материалы, касающиеся творчества французских писателей: библиографические указатели “Пьер Огюст Карон де Бомарше”, “Вольтер в России”, “История русской переводной художественной литературы”, неоценимую помощь в разыскании разновременных переводов Вольтера оказал проф. П.Р. Заборов (Пушкинский дом), а также его монография. Кроме каталогов и указателей, были *de visu* просмотрены основные журналы XVIII века “Пантеон иностранной словесности”, “Парнасский щепитильник”, “Полезное упражнение юношества, состоящее в разных сочинениях и переводах”, “Распускающийся цветок”. “Утренняя заря”, “Меркурий”, “Смесь”, “Трудолюбивый Муравей”. “Кошелек”, “Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная”, “Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих”, “Аглая” и др.

2) Трудность сопоставительного анализа заключалась еще и в том, что большая часть источников относится к раритетам, сохранившимся в нескольких экземплярах, иногда в рукописном варианте, а следовательно, разбросана по рукописным отделам и Музеям редких книг Казани, Москвы, Петербурга. Так, в указателе “Русская книга XVIII века” после каждой статьи, посвященной отдельному переводу, указывается, в какой из центральных библиотек страны можно его найти. Например, перевод романа Мерсье “Картина Парижа” 1935 г. находится в Казани, а сам оригинал и перевод 1786 г. в Москве (РГБ). Перевод Вольтера “Принцесса Вавилонская”: первая редакция 1770 г. в Казани, второе и третье правленные издания в Москве (Музей книг). Рукопись с исправлениями М. Попова “Севильского цирюльника” находится в Музее Малого театра, а “Свадьбы Фигаро” 1828 г. в Государственной театральной библиотеке в Петербурге.

3) Следующая трудность была связана с идентификацией текстов. Для каждого произведения необходимо было разделить: а) обычные стереотипные переиздания, б) правленные с течением времени самим автором перевода или другим лицом переиздания, редакции, в) другие переводы дан-

ного произведения, выполненные другими лицами (иногда анонимные). Как правило, лишь переводчики XVIII века сообщали о своих намерениях “улучшить предложение”, а в XX в. правка без анонсирования осуществлялась редактором и не была одинаковой: от единичных изменений заимствованных слов (исправленный перевод “Манон Леско” М.П. Петровского 1936 г.) до значительных лексических, семантических, синтаксических исправлений. Неверные сведения также осложняли поиск. Так, в издании 1935 г. “Карти́н Пари́жа” Мерсье сообщается, что это первый перевод данного произведения на русском языке, между тем нам удалось обнаружить и исследовать действительно первый перевод романа 1786 года.

Предметом исследования является французская лексика, это слова, заимствованные непосредственно из французского языка, а также такие, для которых он явился языком-посредником. К специфическим признакам французских заимствований относятся: конечные ударные -у, -о, -е(э), -и, -а у несклоняемых существительных, конечные -ёр, -аж, -анс, -ант, -ет, буквосочетания уа, оа, уэ в середине слова и некоторые др. Однако понятно, что к фонетическим показателям следует относиться с осторожностью и не абсолютизировать их, поскольку, во-первых, некоторые галлицизмы не обладают явными специфическими приметами, а во-вторых, в отрыве от семантических данных легко впасть в ошибку, причислив к галлицизмам слова, прототипы которых имеются во французском языке, но имеют иное значение (*флер, ванна, официант*). Таким образом, основным критерием отбора явилась фонетико-семантическая корреляция, близость формы и значения прототипа и галлицизма в период заимствования.

Не причисляются к заимствованиям дериваты от галлицизмов и слова, фонетически близкие к прототипу, но имеющие иное, нежели в языке-источнике значение. Определение источника иноязычного слова осложняется возможностью одновременного заимствования лексемы из нескольких языков, что весьма характерным было в XVIII веке в связи с особенностью периода – многоконтактностью. При определении источника заимствования нами учитывались также данные предшествующих исследователей галлицизмов и ученых-лексикологов (Будагов, 1963, Гак, 1983, 1988, Гальди, 1958, Киндереви́ч, 1992, Ковалевская, 1965, Ольгович, 1984, “Очерки”..., Соболевский, 1891, Сергеев, 1973, Сорокин, 1965, СРЯ XVIII, Фасмер, Шанский, Хютль-Ворт, 1963). В поле нашего рассмотрения включаются не только слова, сохранившиеся в современном русском языке, но и те, которые присутствовали в лексической системе на протяжении всей истории ее формирования в рассматриваемый период, поэтому определение, вынесенное в заглавие – французская лексика шире определения галлицизм, которое предполагает известную ассимиляцию.

Теоретическая и практическая значимость. Разработана теория и описан механизм функциональной ассимиляции иноязычной лексики и ее конкретных проявлений – корреляции заимствования и прототипа и субституции – замещения прототипа некоррелятивным галлицизмом, разработана

методика контрастивного семантического анализа двух разноразовых единиц, выявлены закономерности фонетической, морфологической, семантической ассимиляции французского слова в русском языке в ходе исторического развития, что может быть использовано в исследовании других групп заимствований. Впервые на материале переводной литературы рассматриваются такие важные вопросы общего языкознания, как определение роли неоднородности в языковом развитии, раскрытие взаимодействия формы и содержания единиц разных структурных уровней, разработка историко-типологического описания лексического строя разноразовых языков, эксплицитность/имплицитность выражения социальных компонентов, а также проблема выявления субъективных ассоциаций, являющихся показателем архаизации языковых единиц. Материалы диссертации могут быть использованы при дальнейшем изучении франко-русских языковых контактов, при составлении исторических словарей, в теории и практике перевода, при чтении лекций по общему языкознанию, теории языковых контактов и межкультурной коммуникации, а также в качестве комментариев по исторической лексикологии.

Методы исследования были обусловлены целями и задачами работы, это традиционные для лексико-исторических исследований диахронно-описательный, сопоставительный, статистический. Мы опираемся на комплексный принцип при изучении заимствованной лексики, обоснованный и воплощенный на практике петербургскими и казанскими исследователями (А.А.Алексеев, Е.Э.Биржакова, Л.А.Войнова, Л.Л.Кутина, Ф.П.Сергеев, Р.А.Юналеева), сочетающий историко-семантический, морфологический, фонетико-орфографический аспекты и позволяющий проследить историю отдельных слов и общие направления языковых изменений. В целом положенный в основу принцип одновременности позволяет выявить направление изменений, охарактеризовать галлицизмы в становлении и воссоздать картину формирования, развития и становления пласта лексики французского происхождения в русском языке.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования докладывались на международных, общероссийских, межвузовских конференциях, симпозиумах и конгрессах в Москве, Петербурге, Баку, Самаре, Казани. Материалы работы были представлены и обсуждались в Словарном секторе XVIII века Института русского языка РАН (Петербург). Материалы работы послужили основой для спецкурсов "Речевые коммуникации" и "Русский язык для переводчиков". По теме диссертации опубликованы две монографии "Теория и практика изучения французских заимствований" (12,25 п. л.), "Лексика французского происхождения в русском языке (историко-функциональное исследование). Галлицизмы русского языка" и 38 публикаций в научных изданиях России и Финляндии.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, восьми глав, которые делятся на разделы, заключения, библиографии, указателя слов и списка источников: французских произведений и разновременных переводов сер. XVIII – XX вв. для каждого произведения, а также исторических и этимологических словарей русского и французского языков.

Основное содержание работы. Во введении обосновывается актуальность темы, формулируются цели, задачи исследования, определяются методы и принципы изучения, описывается специфика материала разновременных переводов, степень изученности темы, устанавливается практическая значимость и новизна диссертации. Определяются критерии выделения французской лексики в русском языке, термин галлицизм используется в традиционном значении: это слова, пришедшие в русский язык непосредственно из французского языка либо через его посредство.

В главе 1 "Характеристика переводов французской литературы сер. XVIII – XX вв." рассматриваются особенности французской переводной литературы сер. XVIII – XX вв. в исторической перспективе.

Материал исследования настоящей работы – оригинальные тексты и переводы произведений французских писателей: Вольтера (практически все прозаические произведения), Бомарше, Монтескье, Руссо, Мерсье, Люше, Муи, т.е. авторов, чьи произведения пользовались большой популярностью, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания и разноавторские переводы. Эволюция заимствованной лексики, в частности галлицизмов, предполагает рассмотрение их функционирования в разновременных однородных и неоднородных текстах, сопоставление способов введения в разное время, установление зависимости от степени адаптации, выявление темпов освоения на разных этапах, установление реального семантического объема и т. д. В связи с этим нас интересовал перевод в двух аспектах: с т.з. лингвистической и библиографической. Мы выделяем три этапа: сер. XVIII – первое десятилетие XIX вв., XIX век, XX век, для каждого определили основные особенности переводов, положив в основу следующие критерии: характер изменений в языке, эволюция принципов перевода и характер литературного процесса.

1. Исследователи называют это время веком преимущественного распространения французской культуры в России (Виноградов, 1982, Заборов, 1978, Ковалевская, 1965, "Очерки...", ИРПЛ). "При общем обзоре русской переводной художественной прозы... бросается в глаза тот факт, что французская литература занимает в этом перечне господствующее положение. Немецкая и английская литературы далеко от нее отстают..." (ИРПЛ, с. 155). По данным "Очерков...", переводы с французского языка составляли в конце XVIII в. 55,1 %.

2. Среди переводов французской литературы этого периода мы выделяем: во-первых, параллельные переводы одного текста, выполненные независимо друг от друга разными лицами и чаще всего с разрывом во време-

ни, и, во-вторых, правленные разновременные переводы. Особенно популярными и наиболее переводимыми в середине и конце XVIII века были произведения Ф.М.Вольтера. “В 1760 – 80-х гг. на русском языке появилось едва ли не все созданное Вольтером-прозаиком – от обширных повестей-романов до небольших рассказов памфлетов” (Заборов, с. 102). Так, имеется 8 переводов “Мемнона” (1756, 1770, 1781, 1782, 1784, 1793, 1803, 1805), пять переводов повести “Микромегас” (1756, 1759, 1784, 1793, 1805); “История Дженни” известна в трех переводах (1786, 1788, 1805), повесть “Жанно и Колен” – в шести (два 1771, 1779, 1786, 1805, 1809), восточная повесть “Задиг” представлена пятью переводами (в том числе рукопись 1757 г.). Из произведений других авторов известны разновременные переводы Муи “Зеркало девиц” (1783, 1795), П.О.Бомарше “Женитьба Фигаро” (1787, 1828), Флориана “Галатея” (1796–1797, 1790, 1800), Фенелона “О воспитании девиц” (1763, 1795), Ж.Ж.Руссо “Новая Элоиза” (1769, 1793, 1820), Ш. Монтескье “Персидские письма” (1789, 1792); комедию Д.Дидро “Побочный сын” переводили Е.Харламов (около 1764), С.Глебов (1765), И.Яковлев (1788), пьесу П.О.Бомарше “Севильский цирюльник” – М.Попов (1782) и В.Ушаков (1828).

Другая разновидность разновременных переводов – правленные. Как правило, произведение один раз переведенное, в последующие годы не переводилось заново, а подвергалось исправлениям, которые вносил автор перевода или другой справщик при переиздании. Существование переводов “с поправлением” было характерным явлением конца XVIII – начала XIX вв. Наряду с параллельными, выполненными разными лицами, издавались и переиздавались переводы “противу прежних во многих местах исправленные”, осуществленные одним лицом. Понятно, что сопоставление правленных текстов – реальная возможность проследить “живые” фонетические, семантические, морфологические процессы, изменения, причем в языке одного человека-справщика. Переводчик или издатель, обращаясь уже к выполненному ранее переводу, вносил в последующие издания коррективы, которые отражали изменения, происшедшие за это время в языке. В работе анализируются правленные издания романа “Принцесса Вавилонская” (1770, 1781, 1789, 1805), три редакции перевода “Гуруна” (1789, 1802, 1805), правленные редакции текста “Человек в сорок талеров” (1780, 1792, 1805), а также переработанный пятый том “Романов и повестей” (1805), основой для которого послужил сборник “Аллегорические, философические и критические сочинения г.Вольтера”(1784). Анализ исправлений н. XIX в. свидетельствует, что языковые изменения затронули все уровни: фонетико-орфографический, синтаксический, лексический, семантический.

3. Переводы выходили в свет через несколько лет после оригинала. Так, роман “La princesse de Babylone” Вольтера появляется в 1768, через два года выходит перевод Ф. Полунина “Принцесса Вавилонская”. Философская повесть “Candide”, написанная Вольтером в 1758 г., появляется в переводе С.Башилова в 1769. Бомарше написал драму “Евгения” в 1767, в русском

переводе Н. Пушкинова она известна уже в 1770. 23 февраля 1775 г. была представлена и провалилась на театре Французской комедии “Le barbier de Seville”, а в 1782 г. в свет выходит перевод М. Попова “Севильский цирюльник”. В Музее Малого театра хранится рукопись перевода М. Попова с поправками, которая могла быть сделана и ранее.

4. Анонимность переводов. “Переводчик от творца только что именем ронится” – это высказывание Тредиаковского, весьма популярное в XVIII в., как нельзя лучше отражает две крайности, господствующие в литературном переводческом процессе. Эти слова обычно приводят в качестве своеобразного оправдания, когда переводчик рассматривает себя как соавтора, воссоздающего произведение на другом языке. Первая – в издании перевода не указывалось имени переводчика. Эта традиция имела продолжение в XIX и в XX вв. В лучшем случае присутствовали инициалы, иногда в конце пышных посвящений и предисловий переводчик ставил свое имя. Примером такого издания служат “Персидские письма из сочинений г. Монтескью. Переведены с французского языка” (СПб., 1789). Далее следует полное имя и перечисление всех титулов Петра Васильевича Заводского – ему и посвящает “сие приношение, плод упражнений... в свободное время от служения под вожделеннейшим начальством Вашим, ... слабое изъяснение сердечных чувствований и проч. Федор Поспелов”. Анонимны переводы “Сивильского цирюльника” Бомарше (1794), “Гулона” Вольтера (1805), все переводы пятитомного издания “Романы и повести” Вольтера (1805), Люше “Париж в мелкой живописи” (1789), Мерсье “Женневал” (инициалы И.В.), Муи “Зеркало девиц” (1783, 1795), Флориана “Галатея” (1796, Флориана “Эстелла” (1789) – инициалы М.К.)¹ и великое множество других.

Вторая группа переводов – издание осуществлялось под именем переводчика, без указания автора. Объяснение этому может быть следующее: во-первых, иногда переводились произведения малозначительные, второстепенных авторов, не известных в России, т.н. однодневки, а имя известного переводчика могло вызвать читательский интерес. Как правило, такие отрывки можно найти в любом журнале конца XVIII века. Для примера назовем публикацию в журнале “Аглая” повести “Жанно и Колен” под именем К. Пучковой.

Конечно, между этими двумя крайностями существовали и другие многочисленные издания:

1) как бы мы сейчас определили, с полным библиографическим описанием, в которые входили имя автора, заголовок, сведения, относящиеся к заглавию (жанр, переиздание и т.д.), сведения об ответственности (имя переводчика) и выходные данные. Это, например, Бомарше П. К. “Фигарова женидьба”, комедия в пяти действиях. Пер. А. Лабзина. – М., 1787;

¹ Огромная работа по установлению фамилий переводчиков проделана составителями “Сводного каталога русских книг гражданской печати XVIII века” (М., 1962–1975). Однако более полутысячи книг остаются анонимными. (ИРПЛ, с. 141).

2) с минимальными сведениями – без имени автора и переводчика. Так роман “Опасные связи” Шодерло де Лакло впервые вышел в России в 1804–1805 гг. без указания автора и переводчика под названием “Вредные знакомства”. Иногда это были отрывки, фрагменты больших произведений. Чаще всего они представлены в журналах. Как, например, “Белый и черный” – рассказ в журнале “Разумный и забавный собеседник” (1803), повесть Вольтера “Жаннот и Колин” в журнале “Детское чтение для сердца и разума”, переводы “Арсен, или суета света” (1763, 1769) и др.

5. Особое распространение получила тенденция, именуемая “склонения на русские нравы”, явившаяся противоположностью практике выразить “сене от сенса”, т.е. буквального перевода. Например, девизом “Пантеона иностранной словесности” (1798) было “Gardez vous bien du mot-a-mot”. Появление таких “вольных переводов” (это, как правило, указывалось самим переводчиком в заглавии) было обусловлено двумя факторами. Во-первых, следует напомнить известное положение о том, что конец XVIII века ознаменовался крайне негативным отношением к заимствованным словам. Борьба против варваризмов и “подлых чужесловов” особенно обострилась во времена царствования Екатерины 2 и Павла 1. Распространялись списки слов, не рекомендуемых к употреблению (см., например, словарики в журнале “И то и сьо” 1769 г.), правились тексты с целью заменить чужое на свое, именно в этот период появляется известное “склонение на русские нравы”, ставящее конечной целью максимально освободить перевод от всего, что напоминало бы об иностранном произведении. Таким образом, пуристическая установка во многом определяла до конца XVIII века функционирование заимствованной лексики. Вторая причина была обусловлена похвальным желанием отойти от буквального следования за подлинником, творческими устремлениями, причем свободное обращение с переводимым автором объяснялось благородным мотивом – желанием улучшить произведение (Левин, 1985). Переводчик следовал лишь за фабулой, меняя имена, место действия, время (Федоров, 1958, Холмская, 1958, Фитерман, 1958). Это, например, выразилось в переводе французских имен-этикеток при помощи русских эквивалентов: в переводах Бомарше появляются Взяткохватов, Сугуборуков, Любим, Оглупилов, Грабь-Солнце, мольеровский Трессотиниус (*très sot* – превосходная степень от глупец, дурак) превращается в Крайнег.тупиуса. Известны многочисленные примеры, когда *Polichinelle* заменялся Петрушкой, действие из Парижа переносилось в Москву, рагу заменялось пловом или щами и т.д. Улица Сен-Лазар называлась именем святого Лазаря, а мост Сен Мишель превращался в мост святого Михаила. Известно, что Тредиаковский упрекал С.Волчкова за то, что он вместо “зерен какао” подставил “черносливные бобки”. Характеризуя переводы Мольера в XVIII веке, П.И. Рулин отмечал: “Заметно, однако, желание выбросить из текста те черточки, которые слишком громко говорили о французском происхождении пьесы и были мало понятны русским читателям. Французские деньги, кушанья, описания костюмов изменялись соответственно на русский лад” (Рулин, 1928, с. 243). Для нашей работы важность

этой тенденции связана, прежде всего, с осознанием переводчиком иноязычности того или иного французского слова. Мы рассматривали те замены в оригинале, которые переводчик осуществлял при переводе, и те французские слова, которые переводились, несмотря на их известность. Эта вольность, “склонение” в угоду вкусам публики, творческое отношение к первоисточнику – стремление к воссозданию, а не переложению, продолжается в XIX веке, в меньшей степени отмечается и в XX веке, особенно в первой половине¹.

6. Разновременные переводы отражают процессы развития, изменения, становления складывающихся норм русского языка XVIII века. Особенно отчетливо это проявляется в лексике. Общеизвестно и признается всеми учеными, что “переводы содействовали развитию русского литературного языка” (Алексеев, 1931, Булаховский, 1954, Василевская, 1968, Максудова, 1973, “Очерки”, Сорокин, 1965, 1966, Успенский, 1985, Фитерман, 1958, Флоряну, 1982), отработке приемов словесного мастерства. Сравнение языка разновременных переводов являет разнообразную картину: от архаичных, тяжеловесных, с минимальным количеством заимствований (в первую очередь “не опороченных барбарисмами”) и обилием “словенщины” до правленных одной рукой светских текстов.

В целом язык переводов к XVIII в. значительно неоднороден, представлено обилие вариантов, лексическая неупорядоченность, обусловленная неосвоенностью лексических значений у многих иноязычных слов; Сказываются вкусы и пристрастия переводчиков: с одной стороны, пуристическая регламентация определяла минимальное количество заимствованной лексики, редки случаи субституции, с другой – лексические и семантические новации, разнообразие способов введения новой лексики, частотность субституции (при условии отсутствия лексикографических фиксаций). В зависимости от взглядов, вкусов и пристрастий язык переводов, даже выполненных параллельно, мог сильно различаться. Особенно явно прослеживаются различия в правленных переводах, если, например, в XX веке (забегаем немного вперед) правка сводилась к нескольким заменам и орфографическому обновлению трех-четырех заимствованных слов, то разные редакции одного перевода XVIII в., принадлежащие одному лицу, разнятся значительно, отражая развитие, изменения, динамику в русской лексической системе.

Во второй период французские переводы отличаются рядом особенностей:

1. Не ослабевает общественный интерес к просветительским идеям XVIII века, и поэтому продолжают переводиться произведения к. XVII – XVIII вв. – Вольтера, Руссо, Фенелона Монтескье, Бомарше. Сохраняется традиция обращения к одному оригиналу нескольких переводчиков, так

¹ Примером подобных изданий являются вышедшие в 1929 году переводы Вольтера “Вавилонская принцесса” и “Микромегас”, купированные и довольно низкого качества.

называемые состязания переводчиков. Известные с XVIII века эти состязания являли собой практическое воплощение теоретических взглядов переводчика, т.е. другими словами, все они решали какую-то теоретическую задачу. (Особенно это относится к сер. XVIII в.). В XIX веке такое параллельное обращение к одному произведению имело другие цели, которые чаще всего излагались в обширных предисловиях от переводчика, в опытах, в “необходимых объяснениях относительно состава книги и перевода”, в этюдах и характеристиках, вступительных “словах” и т.д., и были вызваны особенностями манеры и письма автора, передачей “говорящих” фамилий, стремлением облегчить читателю чтение путем объяснения некоторых скрытых намеков, которые к моменту перевода либо потеряли актуальность, либо были недостаточно прозрачны и т.д. Несомненно, изменялись и усложнялись сами принципы перевода (Левин, 1963, 1985, Холмская 1958, 1959), что тоже требовало повторного обращения к оригиналу. Популярный в XIX в. роман “Персидские письма” известен в 3-х переводах: анонимные 1885 и 1892 гг. и 1892 г перевод И. Первого; “Севильский цирюльник”, “Бешеный день или Свадьба Фигаро” и “Другой Тартюф или Виновная мать”, т.е. три произведения, которым по обыкновению дают название “Театр Бомарше”, известен в двух переводах: А.А. Крыль (1899) и А.Н. Чудинова (1888); Известный по XVIII веку трехтомник “Романы и повести” Вольтера был заново переведен Н. Дмитриевым и издан в 1870 г. К числу наиболее переводимых относятся и произведения Ж.Б.Мольера. Так, “Скупой” в XIX в. известен в двух анонимных переводах (1875, 1897) и переводе Д.Сигова (1832), к роману “Тартюф” обращались : в первой половине XIX в. (?) В.А.Казадаев, который позднее правил свой перевод, анонимный переводчик, который продолжал традиции склонения на русские нравы (1809), Н.Хмельницкий (1848), Е.Федюкин (1871).

Продолжается традиция правки ранее сделанных переводов. Так, при переиздании в 1898 г. избранных сочинений Бомарше А.Н.Чудинов в предисловии сообщает, что “перевод вновь пересмотрен и исправлен”.

2. Помимо литературы XVIII века, отмечается возрастающий интерес общества, критиков, литераторов, публицистов, переводчиков к новой литературе и эстетике. В XIX веке выходят разновременные переводы Бальзака, Гюго, Доде, Мопассана, Арленкура, Кока, Котена, Ж. де Сталь, Шатобриана, Сенанкура, Нодье, Стендаля, Дюма, Мармонтеля. Как отмечается исследователями: “Во 2-ой половине XIX в., когда выпуск переводных изданий в России распространился очень широко, некоторые французские писатели стали издаваться в русских переводах и приобретали известность среди русских читателей раньше, чем у себя на родине” (Манфред, с. 351)

3. Язык переводов XIX в. заметно отличается от более раннего периода. Основная черта, объединяющая эти разные преложения XIX в. – стремление к светскости. Языковые средства в переводах сер. и конца XIX века менее разнятся между собой, чем язык переводов сер. XVIII и к. XVIII вв. Поэтому переводы, выполненные в н. XIX в., часто переиздавались в 60–80 гг. без правки или с минимальными изменениями, поскольку не устаревали.

В XX веке продолжают поиски ученых, литераторов, критиков, филологов в области теории перевода и выработки критериев. Наблюдается усиление к теоретическим вопросам.

В XX веке отчетливо выделяются две противоположные точки зрения: 1) невозможность адекватного перевода, взгляд, основанием которого являются объективные и субъективные (в том числе и языковые) трудности; 2) выдвижение и обоснование принципа переводимости и адекватности художественного перевода.

Попытки доказательства этих противоположных взглядов нашли отражение в большом количестве практических попыток. Кроме того, что появление новых переводов явилось иллюстрацией, как это было в XVIII и в XIX вв., теоретических взглядов переводчика, существовал другой фактор, способствующий выходу в свет именно переводов французской литературы – идеологический. Исследователи отмечают существенное оживление к творчеству французских просветителей, особенно Вольтера, в начале нашего века. Вольтер, как один из главных вдохновителей Французской революции, был необходим русскому предреволюционному обществу. После революции Вольтер становится также единомышленником и союзником новых властей как провозвестник “светлого будущего” (БУ Вольтер в России, с. 6–9).

Таким образом, мы можем сформулировать следующие особенности переводов французской литературы XX в.

1. Большое количество новых переводов Вольтера, Прево, Бомарше, Мольера. Так, “один за другим публиковались различные сборники повестей Вольтера (1900, 1901, 1905, 1906, 1909, 1912, 1913)” (БУ Вольт. в Рос., с. 8). В начале века выходят одни и те же произведения Вольтера в разных переводах. В 1906 г. – “Все идет к лучшему в этом лучшем из миров”: Романы и повести – переводчик П.П.П-в., в 1910 г. – собрание сочинений в трех томах, куда вошли основные романы: “Кандид”, “Принцесса Вавилонская” и повести, в переводе М.Н. Тимофеевой. В 1912 году выходит издание “Повести и рассказы” в переводе Л.Буха, куда вошли “Микромегас”, “Кози-Санкта”, “Задиг”, “Мемнон”, “Путешествия Скарментадо”, “Кандид”, “Жанно и Колен”, “Белый и черный”, “Простодушный”. На протяжении первой половины века к вольтеровским романам и повестям обращаются В.И. Засулич (1909), Ю. Щепкина (1935), Е. Евнина (1947). В 1914 г. появляется сборник “Избранные страницы” (пер. Н. Хмельницкой), с отрывками из философских рассуждений, романов и повестей. Роман Прево “История кавалера де Грие и Манон Леско” известен в переводе И.Б. Мандельштама (1926), М.А. Петровского (1932), Б.А. Кржевского (1951) (“Литературные памятники”) К трилогии Бомарше обращались А.Н. Чудинов, А.А. Криль, И.Платон, И. Худолеев, В.Э.Мориц. “Опасные связи” Ш. де Ланкло известны в переводе Н.Д. Эфрос (1933) и Н.Я. Рыковой (1965). Остается популярным Мольер, выходят разновременные переводы его произведений: “Мещанин во дворянстве” (1917, 1937), “Мнимый

больной" (1937, 1939). К "Тартюфу" обращаются П.Вейнберг (1935), М.Лозинский (1940), М.Донской (1972), "Скупого" переводят Ф.Устрялов (1937), Ф.Н.Житряков (1931), В.Лихачев (1937), М.Донской (1972).

Как правило, издания, особенно второй половины XX века, представляющие собой сборники произведений одного автора, указывают имя переводчиков для каждого произведения отдельно. Однако в начале и в середине века традиция анонимности еще сохраняется. Например, издание "Вольтер. Избранные произведения в одном томе" (М., 1938) не содержит никаких сведений о переводчиках, несмотря на государственное издательство "Художественная литература". Аналогичные выпуски "Микромегаса" (1929) и "Вавилонской принцессы" (1929) Вольтера, "Персидских писем" Монтескье (1936) и многих других изданий 20–30 гг.

2. Переиздания текстов XIX в. без изменений. Эта особенность переводов обусловлена собственно лингвистическим фактором: к концу XIX века практически заканчивалось формирование основных норм русского литературного языка. Если мы сравним переводы середины и конца XVIII века, то заметим значительную разницу, которую, впрочем, ощущал и сам переводчик, а именно это заставляло его браться за перо и неоднократно править первоначальный вариант. Причем правка касалась всех языковых средств. Язык переводов, выполненных с разницей в 10–12 лет, резко отличался, и это относится не только к разноавторским текстам ("Персидские письма" Монтескье 1789 г. в переводе Ф.Поспелова и 1792 в переводе Е.Рознотовского), но к правленным одной рукой текстам.

В XX в. публиковались без изменений переводы, выполненные в конце XIX в., например, романы Вольтера в переводе Н.Н.Дмитриева (1870) переиздавались на протяжении нашего столетия неоднократно (1912 – "Сочинения" / Пер. (Н.Н.Дмитриева). – СПб.: Просвещение, 1912. "Задиг, или Судьба" / Пер. Н.Дмитриева // Философские повести. – Л. 1988). Самым популярным оказался "Кандид" в переводе Ф.Сологуба переиздававшийся многочисленно и вошедший в Библиотеку Всемирной литературы. – М., 1971. (Сологуб, 1909). Этот факт несомненно свидетельствует, что язык перевода не устарел и адекватно воспринимается читателями.

3. Переиздания с исправлениями. Продолжается традиция обновления устаревших текстов: например, уже упоминавшийся перевод "Кандида" Ф.Сологуба выходил в 1909, 1938 гг., все позднейшие издания были правленными (1989, 1971). Правка прежде всего касалась заимствованной лексики: изменилась форма некоторых слов (*залл* – *зала*, *брюнеточна* – *брюнетка*, *брильянты* – *бриллианты*, *галерея* – *галерея*), другие были опущены или заменены (*компаньонки* – *служанки*, *вилла* – *загородный дом*, *принцесса* – *княгиня*, *карусели* – *конные состязания*, *трельяж* – *вольтер*), исправлены некоторые оплошности, так "*mangeaient maïs*" Сологуб перевел "ели мясо", в изданиях 1989, 1971 встречаем галлицизм *маис* (С. 437). Аналогично был обновлен перевод М.Петровского-издания 1936, 1967, 1985 гг. романа "Манон Леско" и осуществлены замены в трилогии Бомарше в переводе

А.Н.Чудинова 1888 и 1934 гг. Вышедший в 1936 году роман Монтескьё “Персидские письма” в переводе Гунста (издание не содержит никаких сведений о переводчике, и его имя мы устанавливали путем идентификации с более поздними редакциями) подвергался при переиздании в 50–80 гг. значительным исправлениям.

В переводах 70–80-х гг. XX века, особенно в таких академических изданиях, как “Литературные памятники”, осуществляется сверка с синхронным оригиналом. Издания 70–90-х гг. XX вв. отличаются высоким уровнем перевода: осуществляется тщательная сверка с оригиналом, можно отметить значительную работу по обновлению лексики: устаревшие слова либо заменяются, либо разъясняются. В целом характерно бережное отношение к тексту подлинника: приводятся различные редакции, если таковые имеются, сохраняются разъяснения и сноски автора.

Произведения Вольтера, Руссо, Мольера, Монтескьё, Бомарше, Прево не утратили своей актуальности на протяжении двух столетий. Об этом и свидетельствует постоянное обращение к этим авторам переводчиков разного времени.

Привлечение в качестве источников переводной литературы и изучение заимствованной лексики основано на репрезентативности материала: так для каждого оригинального произведения имеется несколько (более двух) переводов, сделанных в каждом веке. Поэтому сопоставление функционирования заимствованной единицы в разновременных переводах одного и того же произведения, анализ способов её передачи, сравнение семантического объёма, фонетико-орфографического облика отражает эволюцию каждой конкретной леммы.

Заимствованная лексика – особый пласт в истории русского литературного языка, который всегда находился в зоне пристального внимания переводчиков, общественных деятелей, филологов, критиков, писателей и поэтов. В целом можно отметить две противоположные тенденции:

- полное отрицание заимствований как таковых вызывало создание искусственных, иногда уродливых замен. Списки слов, вызывавшие недовольство, время от времени публиковались в журналах (известные *эгоизм – самость, ячество, гримаса – рожекорча, бильярдный кий – шаротык, пианино – тихогром, бульвар – гульбище*), велись горячие дискуссии о судьбе отдельных галлицизмов (Виноградов, 1982, Успенский, 1985, Кожин, 1989);

- принятие заимствования как средства, обогащающего русский язык, выражало более широкую тенденцию к европеизации (например, у карамзинистов – см. Виноградов, 1982; Лотман, Успенский 1975). Следует сказать, что для каждого времени, столетия набор дискуссионных слов был различным, на первый план выходило осознание иноязычности обсуждаемых лексем, ибо самые ярые противники “барбаризмов” смирялись с теми словами, которые вызвали ярые протесты в предыдущем столетии. Установление восприятия иностранной единицы, эволюция этого восприятия, пожалуй, важнейшее, что помогают определить переводы. Крайне скупые и

разрозненные замечания по этому поводу можно при желании найти в высказываниях современников. Например, В.И. Даль, известный своим резким неприятием “чужесловов”, высказывался против отдельных слов, которые, воспринимались как таковые, в отличие от других заимствований, потерявших этот статус: “Мы не гоним общей анафемой все иностранные слова из русского языка...но к чему вставлять в каждую строчку: моральный, оригинальный натура, артист, грот, пресс, гирлянда, пьедестал, и сотни других подобных, когда без малейшей натяжки можно сказать то же самое по-русски?” И далее: “Читатели и писатели, надеюсь, согласятся, что между словами: сапог, кушак, журнал – и какими-нибудь газонами, какаверами, кавернами, есть разница.” (Даль, I с. V). Аналогичные высказывания, но в адрес других слов и в другое время содержатся в работах К.И. Чуковского (“Живой как жизнь”). Подобные примеры можно было бы умножить, но мы не ставили перед собой цель – составить онтологию подобных высказываний. Мы избрали другую задачу – выявить на материале переводов, до сегодняшнего дня в этом плане не изученном, восприятие галлицизмов на протяжении какого-либо промежутка времени – от иностранного до не ощущаемого как таковое.

Вторая глава “Основные тенденции функционирования галлицизмов в переводах сер. XVIII – нач. XIX вв.” состоит из четырех разделов. *Первый “Активизация лексем французского происхождения”* посвящен рассмотрению основной тенденции, которая выявляется при сопоставлении переводов одного произведения, выполненных в сер. XVIII и начале XIX вв. Если в ранних текстах значительное число известных к этому времени русскому языку прототипов передается при помощи русских аналогов, по словам В.М. Живова, использование заимствований в это время – допустимое отступление от господствующей пуристической доктрины (Живов, 1996), то в переводах начала XIX в. отмечается всплеск использования заимствований. Особенно ярко эта тенденция находит выражение в правленных текстах одного произведения, принадлежавших одному переводчику. Анализируются 4 редакции перевода “Принцессы Вавилонской” (1770, 1781, 1789, 1805), три варианта “Гулона” (1789, 1802, 1805), правленные варианты текста “Человек в 40 галеров” (1780, 1792, 1805), правленные рукописи Бомарше, переработанный пятый том “Романов и повестей” (1805), основой для которого послужил сборник “Аллегорические, философические и критические сочинения г. Вольтера” (1784). В тезаурусе переводов этого времени можно выделить три неравные группы: слова, известные русскому языку с XVII – нач. XVIII вв., прочно вошедшие в лексический состав (*министр, бульон, фонтан, аллея, солдат, маркиз, мода, экипаж, портрет, комиссар, курьер, секретарь*), окказионализмы, функционирование которых отмечено кратковременностью и эпизодичностью (*градины, сюрвельян, гардекор, сюрвельян, мойядор, венерабль, по де Шамбр, фрер, пинтады, жавелот*) и новые слова, время появления которых в языке относится к разным годам XVIII в. (*сорт, газон, шарлатан, тамбурин, эстамп*). Второй раздел “Фонетико-

орфографическое освоение” посвящен другому направлению в развитии всей заимствованной лексики и галлицизмов в частности. По справедливому замечанию Л. Гальди, необходимо предпринять изучение вариантов, “которые во многих случаях являются не просто графическими вариантами, а реальными формами, свидетельствующими или о неполной ассимиляции иноязычного слова, или о фонетическом сопротивлении воспринимающей среды” (Гальди, 1962, с. 52). Основной тенденцией для всей заимствованной лексики этого периода было сокращение языковой дублетности и вариантности, обусловленной многоконтактностью. Хаотичность и неупорядоченность в оформлении заимствованных слов сменяются в конце XVIII – начале XIX вв. резким сокращением поливариантности и явной тенденцией к стабилизации. В соответствии с общей тенденцией языкового развития для галлицизмов в этот период можно выделить две особенности: 1) сокращение вариантов, обусловленных различным языковым посредничеством, выделение доминант; 2) для слов, заимствованных в XVIII в., появление, а для более ранних заимствований – воскрешение форм, связанных с ведущей ролью французского языка. Варианты могли быть отмечены в трех позициях: а) в переводах разных произведений, что является свидетельством распространенности форм; б) в разновременных переводах одного произведения, что указывает на продолжающийся процесс фонетического освоения; в) у одного переводчика. Варианты в данном случае выступают в пределах одного текста, употребление различных форм свидетельствует об их неразличении и является доказательством их функциональной тождественности. Так, смешение вариантов отмечается в пределах одного текста у слов *экипаж* – *экипаж*, *эстамп* – *естамп*, *эшафод* – *ешафот*, *десабилье* – *дезабилье*, *клависин* – *клавесин* – *клавессин*, *желе* – *желе*, *деви* – *деви*, *курьер* – *курьер*, *паспорт* – *пашпорт*. Различия в оформлении могли быть использованы переводчиком в целях избежания полисемии: Ф. Пospelов прибегнул к фонетическим вариантам в переводе “Персидских писем” Монтескье: *экипаж* он оставляет для передачи значения ‘вещи, снаряжение’, вариант *экипаж* использует в значении ‘каreta, повозка’.

Несмотря на начавшийся процесс стабилизации в оформлении лексем, вариантность не исчезает. Обусловленная воздействием языка-источника, а также особенностями принимающей системы, она представлена в основном четырьмя типами:

1) разнооформленность связана с влиянием произносительных норм прототипа и адаптацией труднопроизносимых для русского языка сочетаний (*мускетер* – *мушкетер*, *луидор* – *люидор* – *люйдор* – *луйдор*, *банкрот* – *банкерот* – *банкерут* – *банкрут*, *булевар* – *бульвар* – *булевард*, *перук* – *перик* – *парик*, *гений* – *жени*);

2) существование параллельных словоформ обусловлено правописанием прототипа, в частности передачей удвоенного согласного (*миллион* – *милион*, *алей* – *аллея*, *коридор* – *корридор*, *галерея* – *галлерей*);

3) наличие вариантов типа *экипаж* – *экипаж*, связанных с передачей начального звука "е" (*ешафод* – *эшафод*, *естамп* – *эстамп*, *эконом* – *эконом*, *этаж* – *этаж*, *этаж* – *этаж*, *эмблем* – *эмблема*)

4) различия в написании, обусловленные спецификой языка-рецептора – аканьем (*портрет* – *партрет*, *партер* – *портер*, *фонтан* – *фантан*, *корсет* – *корсет*, *софа* – *сафа*).

Общей особенностью рассматриваемого периода является неустойчивость, через которую однако просматривается направление к утверждению определенных форм. Именно в это время у многих галлицизмов устанавливается единый графико-фонетический облик: слово отмечается в переводах разных лет, у широкого круга переводчиков в единой форме (*кабинет*, *ливрея*, *букет*, *солдат*, *фортунa*, *галош*, *жест*, *куплет*, *дама*, *партия*, *софа*, *наж*, *маска*, *портрет*, *план*, *мода*, *петиметр*, *кантон*, *багаж*, *карусель*, *капитан*, *принц*, *принцесса*, *министр*, *роман*, *арка*, *билет*, *медаль*, *лиф*, *журнал*)

В разделе 3 "Функционирование значений" отмечаются основные тенденции в области семантики: к периоду конца XVIII в. относится процесс заимствования переносных значений, обогащение моносемантических лексем дополнительными семами и значениями, не отмеченными словарями (*министр* 'посол', 'священник', *экипаж* 'снаряжение', 'команда корабля', *зенил* 'наивысшая точка в развитии'). Полисемия в основном характерна для галлицизмов, процесс заимствования которых относится к началу века. Появление семантических новаций, развившихся на русской почве, для этого периода не отмечается. К концу XVIII в. относится вторичное семантическое заимствование переносно-образных и контекстуальных значений галлицизмов (*роль* 'притворство' *миллион* 'множество чего-либо', *принцесса* 'девушка', *комедия* 'нечто смешное', *министр* 'советник', *маска* 'притворный вид', *палитра* 'совокупность изобразительных средств', *партер* 'зрители', *амфитеатр* 'люди', *сераль* 'женщины', *гардероб* 'изобразительные средства', *сумма* 'совокупность' *металл* 'нечто ценное'). Наблюдается заимствование имен собственных, перешедших в нарицательные, *Валер*, *Леандр*, *Селадон* с общим значением пылкого возлюбленного. Нарашение значений у галлицизмов, вторичное заимствование русскими словарями и целлариусами не фиксируется.

Установлено, что некоторые галлицизмы первоначально функционировали в русском языке в значении, которое позже либо архаизировалось: *ликер* 'вода', *карусель* 'конные состязания', *журнал* 'периодическое ежедневное издание', *девиз* 'надпись на гербе дворянина', *журналист* 'издатель газеты, журнала', либо разделилось на несколько самостоятельных: *экипаж* 'снаряжение, вещи, одежда, повозка', *фортунa* 'богатство, деньги, состояние, счастье, судьба', либо претерпело семантические модификации: *помада* 'лечебная мазь', *педант* 'кичащийся человек, обладающий поверхностными знаниями', *бисквит* 'сухарь'.

Специфика переводных памятников позволяет сделать наблюдения, которые не могут быть выявлены из других источников: это степень употребительности слова или значения полисемантической лексики. Отмечается

два процесса: затухание употребительности у некоторых значений многозначного слова и активизация функционирования. Переводы, таким образом, позволяют проследить хронологию последовательного убывания или расширения употребления значений.

Раздел 4. "Переводы как источник проникновения галлицизмов".

Переводы французской литературы, являясь для конца XVIII века одним из основных видов памятников, служили проводниками лексико-семантических, словообразовательных новаций. Особенности рецепции русского языка XVIII века были обусловлены готовностью лексической системы принять новые номинативные единицы.

В исторической лексикологии имеются работы, которые служат ориентиром в определении времени вхождения заимствованной лексики в русский язык (Н.Смирнов, Христиани, М.Форгаши, А.К.Рейцак, Г.Хюттль-Ворт, "Очерки"...). Сведения, касающиеся ранних фиксаций заимствованных лексем, содержит Этимологический словарь М.Фасмера (для некоторых слов), издания Этимологического словаря под редакцией Н.М.Шанского, Словаря русского языка XI–XVII вв., ССРЛЯ и продолжающиеся издания Словаря русского языка XVIII века. С расширением круга источников, временных рамок исследования появляются новые данные относительно времени появления заимствований в русском языке (Галиуллин, 1981, Кемада, 1956, Киндеревиц, 1992, Кустра, 1981, Пылакина, 1976, Сергеев, 1973, Хютль-Ворт).. Материалы наших переводов позволяют во многом дополнить и скорректировать данные словарей и словников. Во-первых, выявлены новые варианты для слов, не зафиксированные словарями; установлено, что некоторые галлицизмы первоначально функционировали в отличной от современной огласовке, связанной с влиянием языка-источника (*аббе, каланбур, педантизм, борделя, жени, жансенист, авантюрьер, актрисса, екю, прозаист, газетьер, контребандиер*). Во-вторых, отмечены слова, не зафиксированные словарями историческими и современными, но принадлежащие лексической системе XVIII – начала XIX века. Основанием причисления их к словарному составу конца XVIII в. является регулярное употребление и высокая частотность, а также более поздняя по сравнению с реальным функционированием лексикографическая фиксация словарями XIX в. Это следующие галлицизмы (мы приводим время фиксации в переводах и словарях): *антропокай-антропокей* 1770 (1877), *арпан* 1792 (1803), *афишер* 1810, *бабуши* 1759 (1803), *баваруаз* 1786 (1803), *вержет* 1786 (ИЛ н. XIX в.), *галиот* 1786 (сер. XIX в.), *туаз* 1786 (1877), *литрон* 1788 (1803), *эспантон* 1769 (1877), *ревербер* 1786 (1806), *фамилиар* 1770.

В-третьих, предлагается более ранняя фиксация для слов и значений (в некоторых случаях эта поправка весьма существенна: полтора-два столетия, в других – касается нескольких десятилетий).

Уточнение дат фиксации галлицизмов.

Лексические галлицизмы

Слово	КЭСРЛЯ, ЭСРЯ	ССРЛЯ	"Очерки" СРЯ XVIII	Huttle- Worth	Переводы
бордель	н. XIX в.		1786	–	1780
жалузи	XVIII в.	1803	1790	–	1789
жансенист (янсенист)	–	1864	–	–	1785
каламбур	1791–1792	1804	1780–1790 –	1791–1792	1786
картезианский картезианец (философ.)	I-я пол. XX в.	–	1764 –	–	1805
картезианский шартрез (теологич.)	–	1864	–	–	1789
квиетизм	–	1804	–	–	1789
квиетист	–	1909	–	–	1786
колибри	1794	1847	–	1791–1792	1769
мандарин	–	1804	–	1784	1770
папилюты	–	1847	–	–	1786
парасанг	–	1806	–	–	1770
Парк	–	1806	–	1791–1792	1770
пиастр	1806	1806	–	–	1769
пистоль	–	1806	–	–	1769
платформ	XIX в.	1806	–	–	1805
помада	XVIII	1771	–	1772	1769
прозаист	–	1822	–	–	1810
пудинг	к. XVIII в.	1806	1786	1791	1770
пулярка	–	1806	–	–	1786
пэр	1806	1806	–	1791–1792	1771
ресторация	1/3 XIX в.	1847	–	–	1810
селадон	–	1806	–	–	1784
сервелат	б. г.	б. г.	–	–	1786
сурдина	1806	1806	–	–	1770
тамбур 'барабан'	–	1937	–	–	1790
тамбур 'вышивание'	–	1847	–	–	1792
тамбурийн 'танец'	–	–	–	–	1770
тупей	н. XIX в.	1806	–	–	1786
финакр	–	1806	–	1791–1792	1786
шампанское	–	1866	–	–	1810
шале	–	1866	–	–	1769
шевалье	–	1866	–	–	1769
шоссе	н. XIX в.	1847	–	–	1786

Любопытно, что французские переводы являлись посредниками и проводниками и других заимствований, например тюркизмов. Так, слово *каймак* впервые отмечается (СРЯ XVIII) в переводе вольтеровского “Кандида” (1769).

Установлена относительная датировка переносных значений у полисемантических галлицизмов. В словарях время появления и фиксации переносных значений в русском языке практически отсутствует, между тем многие значения заимствованного слова являются семантически дистантными, поэтому представляется целесообразным в словарях приводить время фиксации для каждого значения полисемантического слова, а не общую дату: *зенит* 1789, *комедия* 1788, *маска* 1760, *маскарад* 1794, *миллион* 1792, *надир* 1789, *палитра* 1785, *девиз* 1759, *партер* 1786, *портрет* 1759, *принцесса* 1793, *роль* 1770, *амфитеатр* 1770, *сериал* 1769, *сумма* 1785.

В ряде случаев обнаруживается, что процесс появления производных слов от галлицизмов протекал параллельно с самими процессом заимствования, в текстах одного перевода отмечается параллельное появление французского слова, впервые зафиксированного в русском языке, и производного (*колибри* – *колибрины перья* 1769, *фиакр* – *фиакричик* 1786, *гангарид* – *гангаридка*, *гангаридская* 1770 и др.), что противоречит общепринятому положению о позднейшем появлении словообразовательных новаций у заимствования как одном из этапов освоения.

В рассматриваемый период отмечаются синтаксические галлицизмы: фразеологические сочетания и обороты типа *pe ... que*, глагольные конструкции, дееспричастные обороты и предложно-падежные сочетания.

Глава 3. “Основные тенденции функционирования галлицизмов в переводах XIX века” состоит из двух разделов. В первом – “Фонетическая и морфологическая адаптация” отмечается явная тенденция к стабилизации фонетико-орфографического облика галлицизмов в XIX веке. Вариантность как явление не устраняется, однако по сравнению с предшествующим периодом резко сокращается, выявлено небольшое количество подтипов у слов позднего вхождения, связанное с продолжающимся сильным влиянием французского языка и особенностями принимающей системы: а) сохраняются варианты, связанные с передачей удвоенных согласных (*коридор* – *корридор*, *привилегия* – *привилегия*, *бассейн* – *басейн*, *буфет* – *буффет*, *ресурс* – *рессурс*, *метис* – *метисс*); б) варианты, обусловленные передачей среднеязычного [L] (*жалюзи* – *жалузи*, *пляж* – *пляж*, *а-ля* – *а-ля*, *сыроп* – *сироп*, *блуза* – *блюза*, *вестибюль* – *вестибюль*); в) разнооформленность, связанная с передачей отсутствующих в русском языке звуков – дифтонгов, носовых, [Ø] (*воаль* – *вуаль*, *шедевр* – *шедѐвр*, *ментор* – *мантор*, *пикник* – *тикеник*, *мер* – *мэр*, *дуэль* – *дуэль*, *Монтескье* – *Монтескиэ* – *Монтескѐе*, *тамплиеры* – *тамплиэры*, *пенсион* – *пансион*). Большая часть словарного состава французских заимствований к концу XIX в. имеет установившийся фонетико-орфографический статус.

К концу XIX в. заканчивается освоение иноязычных слов на морфологическом уровне. Существование морфологических вариантов связано с типологическими особенностями французского и русского языка и различными грамматическими способами выражения категории рода. Исследованию морфологической адаптации заимствованных слов в разные периоды посвящены работы Л.А.Булаховского, В.В.Виноградова, Л.С.Бургановой, К.С.Горбачевича, В.Г.Демьянова И.П.Мучник, Б.Унбегуна, Т.В.Шанской. Для французской лексики выявлены следующие закономерности морфологического освоения Во-первых, несовпадение формальных показателей категории рода в русском и французском языке вызвало к жизни самый большой тип вариантов, представленный родовой синонимией. Независимо от времени проникновения в русский язык, и у ранних (XVII – нач. XVIII вв.), и у поздних (XIX–XX вв.) лексем процесс установления родовой принадлежности и унификации грамматической формы сопровождается появлением вариантов – сущ. мужского и женского рода, которые преимущественно отмечаются у прототипов женского рода: *грот – гротта, гардероб – гардероба, визит – визита, роб – роба, армей – арменя, фасад – фасада, пуляр – пулярд – пулярка – пулярда, естамп – эстампа, ассамблей – ассамблея, аллюр – аллюра, бордель – борделя, багаж – багажя, атак – аттака, девиз – дивиза*. Это колебание или неупорядоченность, параллельное или иногда дистантное функционирование форм зависит от характера основы прототипа, ориентации на сохранение рода прототипа, а также может быть объяснено противоречием между соотношением грамматических средств и принадлежностью к определенной парадигме склонения в русском и французском языках. Во-вторых, установлены грамматические типы с определенным набором грамматических средств, оформляющих французское существительное в русском языке.

1) существительные ж.р. с флексией *-tion* в русском языке сохраняют род прототипа: *факция, революция, апробация, эволюция*;

2) слова с конечным *-L* могут относиться как к муж., так и жен. роду: *зал/зала, вуаль (м.,ж. р.), водевиль (м.,ж.), карусель (ж.р.), сераль (м.,ж.), пароль (м.р.)*;

3) сущ. с основой на носовые гласные принимают м.р.: *арлекин, тамбурин, бульон, фестон, дофин, кантон, магазин*;

4) слова, заканчивающиеся на немые *d, t* с самого начала относятся к м.р.: *портрет, омлет, шалет/шале, лиард, эшафот/эшафод, бульвар/бульвард*;

5) сущ. ж.р. на *-е (э)* сохраняют род прототипа и оформляются при помощи финали *-а*: *армия, ливрея, гарантия, копия, батарея*;

6) сущ. на *-ment* с *t muet* и *-а* носовым относятся к м.р., оформление идет либо по графическому облику прототипа, т.е. вопреки произношению: *аккомпанемент, момент, антаблемент, орнамент, фундамент, презент, комплемент, клиент, темперамент*, либо по смешанному типу: *педант, диамант, фигурант, эмигрант, инфант*;

7) сущ. на -о, -и, -ои, -е претерпели изменения, касающиеся родовой принадлежности, они составили в русском языке класс несклоняемых сущ. ср. р. В ходе освоения процесс установления грамматических категорий не был прямолинейным, для некоторых слов наряду с неадаптированными аналитическими формами отмечаются конкурентные стойкие русифицированные формы, подключающие эти слова к определенному типу склонения: *канане/кананея, жалюзи/жалузия, колибри/колибрия, кофе/кофий, жаб-бо/жабот, манти/мантион*. В целом к концу века устанавливается облик несклоняемых существительных. Более поздние заимствования изначально закрепляют иноязычный облик (*ателье, бюро, пари, па, антраша, меню, тюрбо, колье, антрме*);

8) сущ. ж.р. на согласный в русском языке оформляется при помощи суффикса -к и флексии -а. Для некоторых слов на этапе вхождения отмечаются неадаптированные формы (*брюнета/брюнетка, блондина/блондинка, кокета/кокетка, панишоты/панишотки, бонбоньерка, гризетка, мушка, кушетка*);

9) морфологические варианты семантически дифференцируются, образуя автономные слова (*карьер 'бег лошади', карьера 'положение в обществе', аппетит по отношению к еде, аппетиты 'намерения', этикет – этикетка, метод – метода, гарнитур – гарнитура*);

10) Отмечаются колебания, связанные со становлением категории числа. В русском языке некоторые галлицизмы закрепляются только в форме *Pluralia tantum*, хотя прототип имеет полную парадигму ед. и мн. ч. (*мемуары, мюлли, апартаменты, преимущественно манжеты, антресоли*). Для других галлицизмов наблюдается сдвиг в сфере грамматической категории числа прототипа: они изменили в русском языке употребление прототипа (*pantaloen, Sg – панталоны Pl., meubles, Pl – мебель, Sg.*). Наконец третья группа слов сохранила употребление прототипа: в русском языке галлицизмы относятся к классу *Pluralia tantum* (*анналы, физжмы, бабуши, консервы*).

Таким образом, к концу XIX века наблюдается завершение процесса морфологической адаптации, которое выражается в сокращении сосуществующих форм и стабилизации в оформлении грамматических категорий числа и рода.

Следует отметить вслед за петербургскими учеными отличительную особенность морфологической адаптации галлицизмов – относительно короткие сроки ее протекания по сравнению с другими этапами.

Раздел 2 "Лексико-семантическое освоение". В XIX в. французский язык продолжает оставаться главным источником новых заимствований. Данные XVIII и XX вв. позволяют констатировать, что именно XIX век можно назвать пиком, апогеем обогащения лексической системы русского языка словами французского происхождения. Отмечается три особенности в функционировании лексики:

1) Активизируется в переводах корреляция для слов, заимствованных в XVIII и в начале XIX в. Употребление иноязычных слов в к. XVIII века являлось, по словам В.М. Живова, допустимым исключением из общей пуристической доктрины. Известные русскому языку прототипы употреблялись непоследовательно, достаточно редко лингвистически смелыми переводчиками. В XIX веке отмечается активизация слов, которые в ранних текстах переводились описательно: при сравнении, например, переводов комедий Бомарше 1782, 1794, 1787 и 1828, 1888, 1889 в более поздних текстах появляются новые галлицизмы, которые ранее передавались описательно: *меттис* (отроки, рожденные от совокупления Индиан с Европейцами), *эксперты* (искусники освидетельствовать), *кафе* (питьевой дом), *гримасы* (кривляния), *эффект* (действие), *альтернатива* (выбор), *профанация* (злочестие), *прелиминарии* (скучные предварения), *полигамия* (многоженство), *гарсоны* (мальчики кофейного дому), а также *костюм*, *мадемуазель*, *шарж*, *резон*, *парк*, *бержерка*, *дебют*, *панталоны*, *флакон*, *кулисы* и др.

2) Заимствуются новые слова, которые пополняют самые различные тематические группы, отмечается повышение интенсивности процесса заимствования (реверанс 1864, першерон 90-е гг., меню 1898, прозелит, прозелитизм 80-е гг., *кузина* 1866, *баски* 70-е гг (первоначально 1770 г. – *васконы*), *драже* 1875, *кафе* 1864, *маншак*, *фат*, *меню*, *пеньюар* 1860, *гравюра* 1847, *кушетка*, *тюрбо*, *репертуар*, *резервуар*). Еще раз оговоримся относительно временной атрибуции заимствований: очевидно, что так называемая первая фиксация условна, поскольку с исследованием новых источников она может существенно меняться. Надежным источником при выявлении хронологических характеристик являются продолжающиеся выпуски Словаря русского языка XVIII века. Однако для XIX–XX вв. такой источник отсутствует, данные ССРЛЯ устарели. Введение в научный оборот новых источников, в частности переводов, позволяет внести изменения в датировку отдельных слов. Например, данные, полученные А.И. Киндеревиц (1992) по французской лексике, сегодня можно уточнить: *галоп* 1755 (1875), *гобелен* 1724 (1835), *гримаса* 1763 (1803), *дама* 60-е гг. XVIII в. (1879), *омлет* 1805 (1875), *пьеDESTал* 1805 (1847), *ресторан* 1810 (1860). Аналогичные коррективы можно внести в хронологические границы, которые определены Н.А. Газанчиан для слов *марионетка*, *арсенал*, *багаж*, *партия*, исследователь явно запаздывает во времени определения у них переносного значения, называя послеоктябрьский период. Потеряли актуальность некоторые датировки, приводимые в монографии “Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века” (*арьергард*, *бри*, *палитра*, *тон*, *портрет*, *физиономия*). Устарели и наши данные, полученные в 1987 г. (Зинова-Габдреева, 1987): выпуски СРЯ XVIII предложили более раннюю фиксацию для некоторых слов: *друиды* 1720 (1770), *кабриолет* 1757 (1786), *капюшон* 1711 (1765), *карнавал* 1707 (1769), *картезианец* 1764 (1805). По сравнению с XVIII, когда переводная литература являлась основным видом памятников, и именно переводы и в частности переводы французских писателей являлись проводниками, источниками лексических, семантических,

словообразовательных новаций, в XIX в. переводы выполняют не менее важную роль, однако новые заимствования проникают в язык и через другие источники: устную речь, публицистику, журналы, отечественную литературу, поэтому мы не можем говорить о значительных хронологических поправках, речь идет лишь об отдельных лексемах.

3) В XIX веке отмечается появление слов, которые образованы по законам словопроизводства русского языка от заимствованной основы, причем заимствованная основа в языке-рецепторе не представлена (*элегантный, серьезный, курьезный, куражливый, фривольный, деликатный, приватный, интимный, экзальтированный* и др.)

В XIX в. значительные преобразования происходят в области семантики: “Наибольшие трудности исследователь испытывает при изучении тех семантических изменений, которые произошли в заимствованном слове” (Балалыкина, 1998, с. 30). Отмечаются 2 амбивалентные тенденции: расширение и сужение семантического объема. Под сужением мы понимаем упрощение семантической структуры, сокращение количества значений и собственно сужение, модификацию смыслового объема. У ряда лексем наблюдается редукция значения, которое было представлено в переводах раннего периода: *ликер* ‘вода’, *экипаж* ‘вещи, снаряжение’, *министр* ‘священник’, ‘посол’, *мануфактура* ‘изделие’, *кабинет* ‘собрание вещей’, *климат* ‘страна’, *водевили* ‘уличные сатирические песни’, *карусель* ‘конные состязания’, *шарлатан* ‘площадный продавец лекарств, плохой лекарь’, *фортуна* ‘деньги, состояние’, *бисквит* ‘сухарь’, *журналист* ‘издатель журнала’, *фонтан* ‘источник’, *помада* ‘мазь’, *почтальон* ‘ямщик’. Например, лексема *фонтан* была известна русскому языку XVIII в. в двух значениях ‘водомер’ и ‘водоем, источник’. Н. Яновский еще в н. XIX в. отмечает галлицизм в общем нерасчлененном значении. Однако в переводах XIX в. четко прослеживается дифференциация: первое значение сохраняется за галлицизмом, второе редуцируется и поэтому переводится: “Une femme jeune et belle, qui renevoit a la fontaine” (Mont., LP, p. 56) – “Встретил молодую и красивую женщину, возвращающуюся от источника” (Монт., ПП, 1982, с. 28). Сужение семантического объема связано с появлением в русском языке семантических архаизмов, которые покидали язык плавно и одновременно, некоторые из них иногда отмечаются вплоть до середины XX века. Примером семантической модификации является слово *брюнетка*. Известное с XVIII в. слово *брюнетка*, первоначально *брюнета* (1761) полностью дублировало значение французского прототипа *brunette* – диминутива от *brun* ‘qui est un peu brun’ (Darmest, 1, p. 309), т.е. имеющий коричневые, темные волосы. В XVIII веке иногда *brune* переводилось как *смуглянка*. Сема слова *brun* ‘dont la couleur tiré sur le noir’, т.е. цвет слегка отливающий черным, изначально не прижилась на русской почве, в связи с всеобщим увлечением отбеливания волос. Довольно распространен в русском языке XVIII в. контекст “волосы черные до неприличия”. В XIX в. значение слова *брюнетка* довольно общо: это темноволосая, смуглая, чернявая девушка (Рейф, Даль, Соц, Березин) Постепенно на первый план выдвигается сема

‘черноволосая’, которая в XX в. закрепляется. Таким образом, сужение смыслового поля привело к сдвигу: *брюнетка* в русском и французском языках не одно и то же. Это расхождение отражено и в переводах: на месте прототипа мы находим то “французское”, то “русское” значение.

Вторая тенденция связана с расширением семантического объема у значительного пласта галлицизмов (*арсенал* ‘запас’, *барьер* ‘преграда’ *туалет* ‘наряд’, ‘процесс одевания’, *партия* ‘часть’, *буфет* ‘комната’, *парад* ‘нарядный костюм’, *сюжет* ‘история’ *девиз* ‘лозунг’, *марионетки* ‘управляемые существа’, *копия* ‘не оригинал’, *атака* ‘нападение’, *портфель* ‘папка’). Образование иерархии семантической структуры может вызываться: 1) вторичным заимствованием переносного значения и 2) семантической деривацией на русской почве, которая является, несомненно, показателем семантического освоения заимствования и отмечается на поздних этапах XIX–XX вв., когда ассимиляционный период слова достаточно велик. Анализ однородных текстов XVIII и XIX вв. позволяет сделать вывод о преобладании основных значений в ранних текстах и о преимущественном употреблении галлицизмов во вторичных фигуральных значениях в поздних текстах. Образование семантических дериватов отмечается в XIX в. в основном у лексем с большим периодом адаптации. Вторичное семантическое заимствование не является механическим перенесением значения, а обусловлено готовностью, необходимостью языка-рецептора принять это значение.

В этот период наблюдается перераспределение в функционировании значений. Употребление галлицизмов в переносных значениях (*спектакль*, *армия*, *аксессуар*, *галерея*, *мотив*, *роль*, *комедия*, *амфитеатр*, *партер*, *палитра*, *металл*, *сумма*, *сцена*) в текстах переводов XVIII века характеризуется непоследовательностью и эпизодичностью, в XIX веке частотность употребления галлицизмов в переносных значениях резко возрастает и по причине большего обобщения, нежели основные, ограниченные одной сферой употребления, опережает последние. Именно в этот период заимствуются из французского языка и закрепляются в русском литературном языке устойчивые лексикализованные сочетания, носящие метафорический характер: *обратная сторона у медали*, *превращаться в креста*, *розы юности*, *любовный арсенал*, *дама сердца*, *галерея искушения*, *за компанию*, *атрибуты могущества*, *арена подвигов*, *каприз судьбы*, *зени́т духа*, *строить планы*, *искатель фортуны*, *адвокат чести и благородства*, *дурной тон*, *роман сердца*, *держат пари*, *составить партию*, *во́лан мыслей*, *блестящие планы*, *паспорт глупости*, *театр побед* и др. Таким образом, выявлены следующие закономерности семантического освоения французских слов в русском языке XIX в.: переход от синкретичных, обобщенных значений, присущих некоторым словам в период вхождения, к расчлененной семантической структуре, а также общезыковые направления в изменении семантики – расширение, проявляющееся во вторичном заимствовании значений или развитии семантических производных в русском языке, и сужение семантического объема.

Глава 4 “Основные тенденции функционирования галлицизмов в переводах XX в.” В первом разделе “Завершение процесса фонетико-орфографической и морфологической адаптации” отмечается, что данная особенность нашла отражение в значительном сокращении вариантности и нормализации написаний галлицизмов. Стабилизация формы выявлена практически у всех лексем раннего и позднего вхождения. Существование вариантных рядов для XIX в. поддерживалось живым влиянием французского языка, что в какой-то степени тормозило процесс стабилизации форм. В XX столетии французский язык уходит из повседневного общения, таким образом, устраняется фактор, влияющий на варианты отношения. Вариативность представлена четырьмя типами и свойственна лишь отдельным лексемам.

1. Чередование *ллио//льо*, восходящее к передаче фран. финали – *illon* (*миллион* – *мильон*, *бриллиант* – *брильянт*, *бильярд* – *биярд*, *Равайак* – *Равальяк*. В современных словарях (ССРЛЯ, СРЯ, ГСРЯ, ГПРР, Зализняк) этот тип чередований разрешается по-разному: сохраняются обе формы как равнозначные *брильянт* – *бриллиант*, представлена одна гибридная форма *биярд*, причем во всех дериватах, отмечается в качестве нормативной одна форма *миллион*, вторая – *мильон* рассматривается как просторечная. Большинство галлицизмов преимущественно оформляются по гибриднему типу, соединяющему произношение и графику: *медальон*, *бульон*, *батальон*, *павильон*.

2. Колебания в орфографическом облике, связанные с наличием/отсутствием двойного согласного в прототипе (*адрес* – *адресс*, *васал* – *вассал*, *коридор* – *корридор*, *аккомпанемент* – *аккомпанемент*, *алей* – *аллея*, *вассал* – *васал*. Данный вид чередований является сильным в 1-й половине века, для конца столетия можно говорить о стабилизации орфографического статуса.

3. Чередование *елло* (*лье* – *льё*, *аферы* – *афёры*, *мсье* – *мсьё*, *Ришелье* – *Ришель-льё*) связано либо с ориентацией на графическое оформление прототипа – и тогда появляются формы с е-конечным, либо со стремлением сохранить произносительную специфику: французское буквосочетание *ieu*, передающее отсутствующий в русском языке звук [Ø], наиболее соответствует русскому [о] после *j* и передается буквой *ё* (*льё*, *Монтестьё*). Несмотря на то, что формы *мсьё*, *льё*, *Монтестьё*, *Ришельё* наиболее правомерны и приводятся как единственно правильные в Словаре русского языка 1984, оформление их попадает в один ряд с другими подтипами: слова на *-et* и *-iet*г закрепляются в русской практике с е-конечным (*досье*, *шевалье*, *шансонье*, *кабаре*). Этому закреплению также способствует действующая тенденция упрощения русской орфографии. Так, в 1917 г. Нарком просвещения издал декрет об издании нового правописания. В числе нововведений (упрощение правил переноса, упразднение графем *ять* и *фита*, окончаний *-аго*, *-яго* у прилагательных и причастий и др.) была разрешена необязательность буквы *ё*. В других словах, в том числе и французских фамилиях с

[Ø] доминируют форме с е-конечным *Матье, Денардье, Па-де-де, шевалье де Грие, пежо* и др.

Параллель *афера* – *афёра* неправомерно попадает под рассматриваемый тип чередований. Французский звук [e] в прототипе *affaire* соответствует русскому звуку [е]. Форма *афёра* отмечается в переводах 1 половины XX века. Справочники и словари 2 половины XX века отмечают в качестве нормативной форму *афера*, которая закрепляется и в производных *аферист, аферистка, аферный* (СРЯ, СТРА, Зализняк).

4. чередование *e//Ø*, обусловленное борьбой произношения и графики, выражается в противопоставлении форм *мадмуазель* – *мадемуазель, пикник* – *пикеник, тафта* – *тафета, Возсела* – *Возселя, Фонтенбло* – *Фонтенебло, Фюретьер* – *Фюртьер*, которые характерны для начала века. Кроме рассмотренных подтипов, отмечаются отдельные словоформы. В целом для XX века состав варьирующихся лексем незначителен.

В разделе 2 “Особенности процесса заимствования” отмечается затухание процесса заимствования французских слов для XX в, и это связано с выходом французского языка из активного употребления. Переводы меньше, чем когда-либо, являются источниками новаций. Новообразования в переводах представлены незначительным количеством, особенность их характеризуется тем фактом, что русский язык за период XVIII – XIX вв. выработал механизм и приемы адаптации иностранных слов, поэтому освоение протекает значительно более ускоренными темпами, а в семантическом плане определяется необходимостью, обусловленной особенностями рецепции русского языка в данный период. Если для предыдущих периодов отмечаются нерасчлененные синкретичные значения (XVIII в) и постепенное формирование семантической структуры (XIX в.), то в XX веке слово заимствовалось, сразу приспосабливаясь к лексической системе русского языка, эта особенность вызвала семантические модификации и перераспределения в значениях галлицизмов, которые выявляются при сопоставлении с прототипом. Например, у французского слова *maitre* ‘celui, celle qui enseigne un art, une science’ при заимствовании наблюдается наращение семы *мэтр/метр* ‘выдающийся деятель искусства, науки’. Примером второго явления служат семантические преобразования у слова *партер*. С середины XVIII века русскому языку были известны две лексемы *партер* ‘цветник’ и *партер* в театральном значении. Во французском театре нижний этаж, где находились места для зрителей, делился да и сейчас делится на *fauteils* – кресла и *parterre* – места за креслами, где некогда люди стояли (*partie d'une sale de spectacle entre l'orchestre et le fond du théâtre, où les spectateurs se tenient jadis debout Darmest., 2, p. 1683*). Именно в этом значении задние ряды слово *партер* функционировало в русском языке два столетия. В XIX в. словарями отмечается “низ, пол театра, для зрителей позади кресел” (Даль, 2, с. 19) В XX в. значение лексемы претерпело модификацию – словом *партер* стали обозначать не часть зрительного зала, а все места для публики, находящиеся в нижнем этаже (Ушаков, СРЯ, ССРЛЯ, СИС). Любопытно,

что В.Муравьев вообще считает галлицизм *партер* лакуной для французского языка, поскольку в нем не существует слова для обозначения всей совокупности партера.

В XX в. отмечается появление новых значений, заимствованных из французского языка (*карат* 'мера веса золота', *ливр* 'мера веса') и развившихся на русской почве у ряда слов (*фигурант* 'участник громкого дела', *макулатура* 'бездарные сочинения', *шифон* 'тонкая шелковая ткань', *анпартаменты* 'парадное помещение из нескольких комнат', *фабрикант* 'распространитель, сочинитель ложных слухов', *мэтр* 'учитель', 'выдающийся деятель науки, искусства', 'наставник', *партер* 'нижний этаж театра').

Другой особенностью является наличие в переводах лексем, которые функционируют только в этом виде памятников, они не имеют канонического употребления, хотя им свойственна повторяемость (*куртизан, креатура, волюмы, контроверза, паролі, першерон, ботик, гранды, фиск, ордонанс, денье, паладин, бриюши, тюрбо, квартерон, мателот, паризы и др.*)

К концу века для большей части французской лексики заканчивается процесс дифференциации, устанавливается функциональный и стилистический статус (историзмы, лексические, семантические, фонетические, орфографические, словообразовательные архаизмы, нейтральная общеупотребительная лексика, слова, ограниченные сферой употребления, просторечные и т.д.). В разделе 3 "*Межъязыковые омонимы, или семантические атавизмы*" В переводах отмечается значительный круг межъязыковых омонимов, т.е. слов, которые имеют одинаковую форму в русском и французском языках, но различное значение. Мы называем эти лексемы семантическими атавизмами, поскольку некогда архаизированные значения входили в семантику галлицизмов. Они функционируют в языке переводов по разным причинам: 1) синкретизм контекстов не способствует релевантному проявлению основной, центральной семы; 2) присутствие их обусловлено завершением, затуханием функционирования значения, в этом случае можно говорить о переходном явлении; 3) наконец, они являются результатом ошибок переводчиков, связанных с незнанием исторической семасиологии. Механизм образования подобных переводческих несоответствий обусловлен архаизацией первичных значений галлицизма в русском языке (*liqueur-ликер* 'вода', *fontaine* – *фонтан* 'источник', *ministre* – *министр* 'посол', 'священник', *pommade* – *помада* 'мазь', *pédant* – *педант* 'недоучка', *magasin* – *магазин* 'склад', *appartement* – *анпартамент* 'этаж', *fortune* – *фортуна* 'деньги', *vaudevilles* – *водевили* 'сатирические куплеты', *anecdote* – *анекдот* 'история', *charlatan* – *шарлатан* 'площадный продавец лекарств', *machiniste* – *машинист* 'рабочий сцены', *intrigue* – *интрига* 'любовная связь', *ragout* – *рагу* 'закуска с острыми приправами') и присутствием данных прототипов в указанных значениях в текстах оригиналов. Например, в названии пьесы Бомарше в переводе 1938 г. встречаем "Безумный день... Полный текст с *водевилем*", в данном случае мы наблюдаем присутствие галлицизма в ус-

таревшем значении 'сатирические куплеты', которыми, как известно, заканчивается пьеса. К нач. XX века, в результате разрыва полисемии, когда рассматриваемые значения были утрачены в русском языке, для галлицизмов в связи с преобразованиями семантики – сужением семантической структуры, развитием новых значений корреляция прототип – заимствование становится некорректной и неоправданной. Период затухания функционирования рассмотренных значений для каждого конкретного слова разный, поэтому в языке оригинальной и переводной литературы XIX–XX века иногда встречаются семантические архаизмы, которые требуют экспликации.

В главе 5 "Функциональная адаптация галлицизмов" рассматривается процесс превращения в сознании носителя русского языка в конкретный исторический период иноязычного слова в неосознаваемое как таковое. Глава состоит из двух разделов. В первом "*Освоение лексического значения и способы передачи галлицизмов в переводах*" исследуется зависимость между освоением компонентов лексического значения и функционированием заимствованного слова. Современное понимание значения базируется на представлении о нем как сложной многокомпонентной структуре (Арсентьева, 1998, Васильев, 1984, Гак, 1972, Апресян, 1974, Мельчук, 1995, Петренко, 1997, Солодуб, 1997, Уфимцева, 1962, Черемисина, 1991) которая включает в себя такие понятия, как ядро и набор сем (дифференциальных, интегральных, архисем). Прослеживается связь между освоением разноуровневых составляющих компонентов лексического значения (сигнификативного, коннотативного, этнокультурного и др.) и способами передачи галлицизмов в переводах: при неполном, частичном освоении наблюдается отсутствие постоянной корреляции, сноски, глоссы, включение в текстовую синонимию, этимологические комментарии. Это относится к заимствованным словам на входе в лексическую систему языка-рецептора и на выходе из нее. При функциональном освоении наблюдается константная корреляция и субституция. Способы введения слова в текст могут меняться в зависимости от степени восприятия иноязычности у данного слова – от пояснений – корреляции – субституции до снижения частотности вплоть до выхода из лексической системы или ухода в пассивный словарь.

Для каждого периода отмечаются свои преимущественные способы передачи заимствованной лексики и список слов, нуждающихся в экспликации. Так, для XVIII в. это все четыре способа, доминирующими являются глоссирование и включение в текстовую синонимию. Для двух других периодов в качестве ведущих следует назвать корреляцию и наличие примечаний. Соотношение между поясняемым и поясняющим может быть следующее:

1. семантический перевод – иностранное слово: *пучки (pompons)*, *косынка (fichu)*, *двоемыслие (equivoque)*, *бесносвятие (fanatisme)*;

2. семантический перевод – галлицизм: *изступленники (фанатики), ископаемые (минералы), все вместе (ансамбль)*;

3. галлицизм-семантический перевод: *ресторатор (трактирщик), консоли (пристенный стол), бонзы (священники), реверберы (отражатели), сервелат или трехкопеечная колбаса, петиметр (щеголь, светский хлыщ)*.

С точки зрения структурного объема пояснения могли быть простыми, т.е. однословами: *капишон (наглавник), шалет (омшенник), пароль (обещание), курьер (гонец), партизан (единомышленник), фонтан (водомер)* и развернутыми, т.е. словосочетания и предложения: *геридон (маленький столик на одной резной ножке), девиз (начертание фигуры с надписью), баваруаз (горячая вода с молоком и сухарем), антрме (закуска, подаваемая между основными блюдами), ливр (старинная мера веса)*.

Таким образом, галлицизмы в переводах сер. XVIII–XX вв. передавались при помощи различных способов: корреляции, сносок, текстовых пояснений, этимологических замечаний, отражающих различные этапы освоения лексического значения у заимствования. Пятый способ передачи заимствований вообще и галлицизмов в частности рассматривается в разделе 2. “Субституция как критерий освоенности заимствований в переводах” и посвящен определению нового признака освоения заимствованного слова. Сопоставление оригинала и перевода выявляет признак адаптации, при котором лексему на данном этапе её фонетической, морфологической и семантической адаптации можно назвать функционально освоенной. Заключается он в том, что прототип, известный на данный момент русскому языку, передается некоррелятивным галлицизмом, который выступает в качестве языкового средства русского литературного языка. Для выявления общей картины фонетической и морфологической адаптации слова бывает достаточно словарных показателей, хотя они не всегда исчерпывают существующие варианты. О семантическом освоении тоже можно говорить на основании данных словарей и целлариусов: когда и в каком значении заимствованная лексема зафиксирована. Однако о функциональной степени освоения лексемы в том или ином значении, восприятии слова не как иноземного словарь не дает никаких сведений. Впервые проблему разграничения таких понятий, как формальные показатели адаптации и осознание иноязычности, опираясь на классификацию Шлейхера, поднял в русском языкознании О.Б.Шахрай.

Основой для выявления нового критерия ассимиляции иностранного по происхождению слова, отсутствия психологического осознания иноязычности у него являются теоретические обоснования проблем соотношения языка и сознания, основ речевой деятельности, условий выбора из ряда возможных альтернатив нужного слова, понимания внутреннего смысла высказывания, которые были обоснованы Л.С.Выготским, А.А.Леонтьевым, А.Р.Лурия. Экстраполируя на рассматриваемую проблему общие теоретические положения психологов о декодировании речевого сообщения, можно определить механизм субституции следующим образом. Для того, что-

бы подобрать к французскому слову оригинала русский эквивалент в переводе, переводчик должен выбирать адекватный уровень значения русского слова. Тот факт, что переводчик, который ориентируется на читателей-современников, носителей русского языка, выбирает слово иностранное по происхождению (в данном случае французское), осуществляет семантический выбор адекватного значения именно у галлицизма из многих других возможных слов, демонстрирует тем самым знание стабильной предметной соотношенности этого галлицизма, а в конечном счете – его освоенность в сознании носителей русского языка данного периода.

Итак, сопоставление переводов и соответствующих им французских текстов на уровне выявления заимствований обнаруживает две группы. В первую входят галлицизмы, которым в оригинале соответствует слово-прототип: *бульон – bouillon, cabinet – кабинет, partie – партия, vaudeville – водевиль, куплет – couplet, папильоты – papillotes, toilette – туалет, рагу – ragout, будуар – boudoir, этаж – étage, резон – raison, волан – volan*. Вторую группу составляют галлицизмы, которым во французском тексте соответствует не прототип, заимствованный русским языком, а другое иностранное слово: *берлина – équipage, жаргон – langage, маршрут – route, солдаты – milices, фонтан – bassin, ресторан – café, экипаж – voiture, суп – potage, мунисип – ambassade, камзол – veste, brevet – журнал, акте, дама – voisine, поль – état, лимонад – rafraichissements*. На наш взгляд, такое употребление галлицизмов – важнейшее доказательство их самостоятельного статуса. Неоднократное использование лексемы в переводе для передачи иностранного слова основывается на том, что она, без сомнения, известна не только переводчику, но и читателям, т.е. является принадлежностью языка в период, когда осуществляется перевод. Объяснение малоизвестного или совсем не знакомого слова другим, как правило, синонимом, основывается на известности, понятности последнего. Свободное функционирование галлицизма, когда он не навязан оригиналом, а привнесен в текст носителем языка-рецептора, является признаком его активной употребительности.

Объективность метода сопоставления иноязычного оригинала и его переводов заключается в том, что он выявляет ситуацию “без прототипа” не только для галлицизмов. Универсальность и объективность способа сопоставления перевода с оригиналом выявляет степень функционального освоения и для лексем нефранцузского происхождения, заимствований вообще (*лакей – valet, domestique, неслат – eveque, полиция – magistrat, фейерверк – feu d'artifice, паппет – pates, эфес – l'épée, флер – chenille de la gaze, voile, хирург – medecin и др.*) Кроме того, новый признак адаптации распространяется и на синтаксические конструкции. В случае, если субституция обнаруживалась только у галлицизмов и только в определенное время, это могло быть объяснено словарным запасом билингва, языковой ситуацией всеобщего увлечения французским языком, галломанией XIX века. Однако данный критерий действует и в другие периоды, когда французский язык находится на периферии.

Глава 6 “Функциональная адаптация галлицизмов XVIII – XIX вв.” и Глава 7 “Функциональная адаптация галлицизмов XX в.” посвящены изучению типов замен в соотношении французское слово – галлицизм. В процессе анализа выявлены восемь групп:

1. Галлицизм употребляется на месте французского слова в том случае, если значения или семьи этих двух лексем синонимичны: *зал – salon, маска – loup, портупея – ceinturon, суп – potage, лимон – citron, курьер – portuer, дама – femme, негры – noirs, физиономия – figure, план – dessein, партия – faction.*

2. Галлицизм передает значение французского слова, которое уже послужило прототипом для другого заимствования: *карьер – fortune, манеры – façon, роль – personnage, куплеты – vaudevilles, физиономия – figure, фанфарон – petit-maitre, камзол – justaucorps, туалет – équipage, панталоны – culotte*

3. Галлицизм используется на месте контекстуальных синонимов: *маска – masque, лoup, паж – page, enfant, Cherubin, секретарь – greffier, Double-Main, роль – role, etat, экипаж – équipage, берлина – berlina, принцесса – princesse, dame.*

4. Галлицизм, имеющий более широкий смысловой объем, передает французскую лексему с конкретной семантикой, лексические значения галлицизма и французского слова соотносятся как общее и конкретное: *вестибуль – antichambre, спектакль – comédie, команда – marechaussée, камзол – veste, костюм – ajustement.*

5. Галлицизмы передают значение французской лексемы более широкое по семантическому объему, чем значение заимствования: *кабинет – chambre, актер – artiste, бриллианты – diamants, пари – jeu, комедиант – joueur, банда – troupe, жаргон – langage, дилижанс – voiture, сержант – officier, кавалерия – cordon, жаргон – langage, комплименты – les choses galantes.*

6. Передача осуществляется на основе частичной семантической и фонетической близости галлицизма и французского слова: *колонны – colonnade, фундамент – fond, медаль – médaille, луидор – louis, роброн – robe, мизерный – miserable, комиссар – commis, фронтон – frontispice, миллион – millier, магазины – magasinier. Частный случай – транспозиция (термин Балли, Vinay, Darbelnet), замена части речи (пари – parier глагол, эмаль – emaille прич., каприз – capricieuse прич., abordаж – aborder гл., галоп – galopper гл., мотив – motif прич.).*

7. Галлицизмы-вставки, которым во французском тексте оригинала нет соответствий и которые являются результатом творчества переводчика. Им в оригинале нет аналогов. Так, переводчик “Женневала” (1783) Мерсье счел недостаточным ограничиться в описании франта только кружевами и камзолом, он добавляет модные в то время манжеты. Если Вольтер посылает солдат *идти в атаку (aller attaquer)*, то В. Курелла (1938) заставляет их брать приступом *равелин*. У Фенелона герой набирается мудрости в театрах и комедиях, у переводчика в *фойе театров*. Вставленные галлицизмы находятся с контекстом в отношениях дополнительной дистрибуции, они конкретизируют место, время, способ действия, объект или субъект дей-

вия, уточняют функции. Например, главный герой повести Вольтера “Зади” придумывает претендентам в министры коварное испытание: после прохода в галерею, набитой золотом, предлагает им станцевать. Тот, кто сделает это с легкостью, самый честный и достоин этой должности. Переводчик же (1938) предлагает будущим министрам более серьезные испытания – *сделать антраша*. У Вольтера пастухи просто *пели*, в переводе они *исполняют партии*, в оригинале у Бомарше – *запираться* (*s'enfermer*), переводчик уточняет *запираться в кабинете*, Прево помещает героя в *верхнюю комнату* (*chambre haute*) переводчик добавляет, что она находилась в *верхнем этаже*.

8. В ряде случаев французские слова передавались галлицизмами из той же функциональной сферы и это вело к семантическим расхождениям. Оригинальные тексты нередко содержали обозначения предметов, лакунарные для русской лексической системы. Проблема элиминации лакуна или малоизвестной реалии решалась тремя способами: 1) перенесение французского слова в русский перевод, т.е. лексическое заимствование; 2) пропуск лексемы; 3) замена на родовое или семантически близкое слово из той же функциональной сферы. Так, И. Рахманинов, переводя “Политическое завещание Вольтера” в 1785 г., оставил прототипы, которые для русского языка были привычны (*сертук* и *камзол*), а неизвестные (*redingote* и *ratin*) опустил. В 1769 г. *эси* в романе Вольтера “Нотте аих quarante écus” переводчик передал традиционным талером. Словосочетание *les guenilles d'ariettes* переводчик заменил лексемой *менуэт* (‘танец’), заставив героя танцевать, тогда как он всего лишь пел. Семантические отклонения можно отметить в передаче *boutique* – *фабрика*, *sofa*, *bureau* – *комод*, *банк* – *pharaon*, *армии* – *paus*, *нари* – *jeu*, *коридор* – *quartier*, *карьера* – *fortune*, *практика* – *aides*, *жабо* – *cravate*. Для каждого из трех периодов можно назвать преимущественные типы субституции (так, для 18 века это субституция галлицизм < прототип, для XX века преобладают вставочные заимствования), а также причины этих предпочтений, обусловленные состоянием лексической системы русского языка, переводческими принципами и т.д. На основании так называемой первой фиксации заимствования и годом субституции можно предложить период функциональной адаптации, т.е. превращения слова из чужого в свое: *зал* 1706–1759, *бриллиант* 1715 – 1769, *аллея* 1712 – 1759, *фабрика* 10-е гг. XVIII в. – 1771, *магазин* (запас) – нач. XVIII в. – 1784, *пеньюар* 1860 – 1889. *панталоны* 20-е гг. XIX в. – 1888.

Выявлены причины неупотребления известных прототипов: а) архаизация в современном русском языке значения прототипа (*пудра* ‘порошок’, *карусель* ‘конные состязания’, *ликер* ‘вода’, *журналист* ‘издатель журнала’; б) лексическая архаизация некогда известных русскому языку прототипов (*cullotte* ‘панталоны, штаны’, *postillon* ‘ямщик, развозивший письма’, *facteur* ‘гонiec’, *petit-maitre* ‘шеголь, франт’); в) изменение значения коррелятивного галлицизма, несовпадение значений прототипа и заимствования (*pommade*, *parterre*, *pédent*); г) функционирование полисемантического прототипа в значении, не известном русскому языку (*figure* ‘лицо’, *tambour*

‘пружина’, *jalousie* ‘ревность’, *pique* ‘злость’, *paquet* ‘шутка’; д) время пребывания в языке; е) неосвоенность лексического значения. Для каждого периода отмечаются доминирующие причины.

Процесс субституции для каждого заимствованного слова может быть представлен в виде функциональной схемы (ФС). В это понятие вкладывается разветвление значений французских слов, объединенных одной интегральной семой или семой-дифференциатором, которое передавал один галлицизм в самых разных французских контекстах. Между адаптацией галлицизма и объемом ФС лежит прямая зависимость: чем большее количество слов передает галлицизм, тем четче осознана семантическая структура носителями языка. Иногда ФС представляет иерархию значений.

Исследованию этапов ассимиляции заимствованного слова в языке-рецепторе посвящен *раздел 2. “Неравномерность этапов адаптации заимствованных слов.”* В последнее время внимание ученых (Л.-М.Роже, С.Беляева, А.А.Иваницкая, Н.А.Шестакова) привлекает изучение самого процесса заимствования. Исследователи разделяют процесс перехода единицы из одной лексической системы в другую на этапы, определяя последовательность и формальные признаки, присущие слову на каждой стадии. По-нашему мнению, эти и другие классификации отражают скорее процесс познания ассимиляции заимствованных слов. Процесс освоения, конечно, характеризуется общими закономерностями, но в то же время для каждого слова он особенный, обусловленный многими причинами: вхождением нового понятия и необходимостью в номинации, особенностями рецепции языковой системы на данном этапе, отношениями в синонимическом ряду и другими экстралингвистическими факторами. Для периода XVIII–XIX вв. процесс освоения протекал, по-видимому, не так поэтапно и расчлененно, как это представляется в диссертациях. Попадая в язык-рецептор, заимствованный фонетико-семантический комплекс включается в процесс приспособления на всех ипостасях языка одновременно: фонетическом, орфографическом, морфологическом и семантическом уровнях. Эти факторы, влияющие на стабилизацию, оказывают действие, разное по длительности. Принято считать, что вариантность – признак развивающейся системы, явление, свидетельствующее о слабой, недостаточной и продолжающейся адаптации слова. Однако это положение совершенно справедливо, если рассуждать с позиций синхронии, когда конечный результат – форма заимствованного слова и грамматические признаки – установлены и известны. Тогда все формы представляются ступенями приближения к современной норме. Для периода сер. XVIII – XIX вв. когда существовала взаимозаменяемость вариантов, т.е. они были функционально-тождественны, и это доказывается неразличением их в одном тексте, этот показатель не был релевантным. Более значимой являлась функциональная адаптация, проявляющаяся в корреляции в разнообразных текстах, у разных переводчиков и субституция. Установлено, что когда заимствованное слово не находит в языке-рецепторе в оригинале свой фонетико-орфографический прототип (причем это

явление не единично, а многократно встречающееся, не окказионально, а типично, не эвентуально, а характерно), можно считать это конкретное заимствование функционально освоенным, в то же время установлено, что фонетико-орфографический облик слова и грамматические характеристики продолжают формироваться, о чем свидетельствует наличие вариантов. Это приводит к выводу о неравномерности различных этапов адаптации слов в сер. XVIII – XIX вв. Субституция при наличии фонетико-орфографических и морфологических вариантов отмечается более всего для первого периода (*аллея* – *алея*, *галерея* – *галерея*, *курьер* – *курьер*, *экипаж* – *экипаж*, *паспорт* – *пашпорт*, *буфет* – *бюфет*, *луддор* – *люйдор* – *луйдор*, *роброны* – *робронд* – *лаброны*, *рагу* – *раго*, *магазин* – *магазейн*, *миллион* – *миллион* – *милльон*, *этаж* – *этаж* и др.), далее этот процесс в связи с общим сокращением вариантности и стабилизацией формальных показателей заимствований проявляется по убывающей (для XIX в. это меньшее количество лексем: *маскарад* – *маскерад*, *проект* – *проиект* – *прожект*, *жислет* – *жеслет*, *жалузи* – *жалюзи*, *роль* – *роля*, *жабо* – *жабот*, *талия* – *таля*, *бриллиант* – *брильиант* и др., а в XX столетии речь идет лишь о нескольких словах: *зала* – *зал*, *вольер* – *вольера*, *брильиант* – *бриллиант*)

В третьем разделе "*Частотность субституции и корреляции в переводах сер. XVIII – XX вв.*" отмечается распространенность субституции, наглядно представленная в следующих типах переводных текстов:

- 1) в переводах, подвергавшихся правке с течением времени;
- 2) переводах одного произведения, принадлежащих разным лицам на протяжении одного века или всего рассматриваемого периода в повторяющемся контексте.
- 3) в переводах разных произведений (Бомарше, Люше, Мерсье, Вольтера), а следовательно, – в лексиконе многих переводчиков, в разнообразном окружении и широком сочетании с другими лексемами.

Кроме того, что многие параллели проходят через тексты всех трех периодов (*veste* – *камзол*, *ceinturon* – *портупея*, *sale* – *зал*, *faction* – *партия*, *potage* – *суп*, *diamants* – *бриллианты* и др.), они находят закрепление в двуязычных словарях (исторических и современных). Таким образом, достоверность доказывается регулярностью проявления установленных в работе соответствий.

Было проведено сопоставление между однородными и неоднородными текстами трех периодов на предмет, как в них представлена функциональная адаптация, в частности ее проявления – корреляция и субституция. Выявлено следующее: в XVIII веке уровень корреляции был низким, т.е. не все прототипы, известные русскому языку, использовались переводчиками из-за небольшого периода адаптации (они воспринимались как новые, иноязычные), а также отрицательного отношения к заимствованиям. Период между так называемой первой фиксацией и реальным постоянным употреблением был значительным. Уровень субституции для этого периода низкий из-за небольшого срока пребывания в языке и медленных темпов

освоения. В среднем на одно произведение приходилось 4–5 галлицизмов без прототипа.

В XIX веке отмечается высокий уровень корреляции, все прототипы, известные русской лексической системе в данное время, используются. Уровень субституции средний: в позиции без прототипа в большей степени функционируют галлицизмы XVII – XVIII вв. Для третьего периода характерны средний уровень корреляции, объясняемый многими причинами: изменившимся статусом некоторых заимствований, семантическими расхождениями с прототипом, выпадением лексических и семантических архаизмов. Эти и некоторые другие причины (например изменившиеся принципы перевода, несовпадение коннотативных характеристик) делают не всегда возможным использование коррелятива. Для XX века наблюдается самый высокий уровень субституции. Объяснение этому главным образом – семантическая, фонетическая, морфологическая адаптация французской лексики, которая утрачивает в восприятии носителей налет иноязычности и функционирует наравне с другими средствами современного русского языка.

Глава 8 “Французская лексика в разновременных переводах сер. XVIII – XX вв.” представляет собой конкретный пример анализа заимствованных лексем в разновременных переводах одного французского произведения. Так, в первом разделе исследуются галлицизмы в переводах романа Вольтера “Кандид” (1769, 1789, 1870, 1890, 1938, 1941, 1971, 1988, 1998). Во втором разделе – французские заимствования в переводах романа “Персидские письма” Монтескье (1789, 1792, 1885, два пер. 1892 г., 1936, 1956). Следует отметить, что подобная цепочка разновременных текстов (представляющих из себя правленные переводы одного текста, разные редакции текста, разные переводы одного текста) была составлена для каждого из всех представленных в списке источников оригиналов. В главе представлены исследования, которые произошли в составе французской лексики в рассматриваемый период. В целом направление изменений, выявленное в данных переводах, подтверждает общие выводы, полученные по материалам переводной литературы сер. XVIII – XX вв.

В заключении приводятся общетеоретические выводы

1. По материалам данных рукописных отделов библиотек КГУ (Казань), ЛГТБ, БАН, РНБ (Петербург), РГБ (Москва), картотеки переводов им. А.Д. Умикян (Петербург), библиографических указателей и журналов нами выявлены, найдены, систематизированы и идентифицированы разновременные русские переводы периода сер. XVIII – XX вв. для каждого из произведений Бомарше, Борда, Вольтера, Люше, Маршана, Мерсье, Мольера, Муи, Руссо, Фенелона, Флориана, т.е. авторов французской литературы XVIII века, а также синхронные оригинальные произведения.

Некоторые из них (относящиеся к сер. XVIII – нач. XIX вв.) являются рукописями, раритетами, изданиями, сохранившимися в нескольких экземплярах. Найдены правленные рукописи и правленные издания, которые регистрируют с наибольшей очевидностью движение и развитие лексики французского происхождения. Переводная литература (разновременные тексты одного оригинального произведения и разных произведений), до сегодняшнего дня не исследованная в плане изучения заимствованной лексики, предложила сведения и материалы, которые не могут быть получены из других источников.

2. Прослежены исторические судьбы французской лексики в русском языке в связи с общими процессами языкового развития. Так, выявлено, что в процессе фонетико-орфографической, морфологической и семантической адаптации галлицизмам были свойственны закономерности, выражающиеся, во-первых, в наличии вариантов, обусловленных влиянием языка-источника на раннем этапе вхождения и ассимилирующим воздействием принимающей среды, во-вторых, в семантическом плане – в общеязыковых семантических модификациях, изменениях типа сужение – расширение, вызванных особенностями лексической системы русского языка. Общее направление заключается в переходе от синкретичных, обобщенных значений на ранних этапах функционирования к расчлененной семантической структуре. В целом к XX веку для большей части французской лексики устанавливается функциональный и стилистический статус, определяются формальные показатели и место в лексической системе.

3. Французская заимствованная лексика пополняла русскую лексическую систему с разной интенсивностью на протяжении сер. XVIII – XX вв. Переводы французской литературы, являясь для периода сер. XVIII – XIX вв. одним из основных видов памятников в литературном процессе, служили источниками и проводниками лексических, семантических, словообразовательных новаций. Результаты исследования позволили дополнить и скорректировать данные словарей и словников: 1) уточнить время появления нового значения у галлицизмов, 2) дополнить сведения о лексическом составе русского языка словами, которые не нашли отражения в лексикографии или зафиксированы с большим опозданием, однако наличие их в разнообразных источниках исключает одноразовость, 3) выявить более раннюю фиксацию для ряда галлицизмов сравнительно с имеющимися данными, 4) назвать новые варианты лексем, не зафиксированные словарями.

4. Предложена концепция функциональной адаптации заимствований, которая базируется на сопоставительном исследовании разновременных переводов и их оригинальных произведений. Сущность функциональной адаптации заключается в выявлении отсутствия психологического осознания носителем русского языка иноязычности слова на данном этапе, в оп-

ределении относительного времени освоения иноязычного слова, или превращения “чужого” в “свое”, и находит выражение в высокочастотной корреляции и субституции, т.е. замещении французского прототипа в оригинале некоррелятивным галлицизмом в переводе. Выявлен новый критерий адаптации заимствованной лексики – употребление заимствованной единицы в переводе, когда она не поддерживается прототипом в оригинале, или ситуация “без прототипа”. Данный признак является универсальным, поскольку распространяется на лексемы нефранцузского происхождения и на синтаксические конструкции. Между тем многие из галлицизмов, прошедшие этап функциональной адаптации, не зафиксированы словарями соответствующего периода. Время между первой фиксацией (которую определяем по лексикографическим источникам) и годом субституции составляет период функциональной адаптации. С точки зрения семантики выявлено восемь типов использования галлицизма, не вызванного присутствием французского соответствия. Достоверность результатов доказывается регулярностью проявления установленных в работе соответствий.

Для каждого из трех периодов выявлены преимущественные типы субституции и определены причины этих предпочтений. Одно из преимуществ переводов заключается в том, что они позволили одновременно определить комплексное освоение русским языком заимствованных слов. Установлено, что процесс адаптации на разных уровнях протекал неравномерно, что фонетико-орфографические, морфологические этапы освоения отставали от функционального. Субституция при наличии фонетико-орфографических и морфологических вариантов отмечается более всего для первого периода, далее этот процесс в связи с общим сокращением вариантности и стабилизацией формальных показателей заимствований проявляется по убывающей.

5. Выявлены, проанализированы и описаны причины неупотребления галлицизма на месте коррелятивного прототипа: 1) небольшой период адаптации заимствования к моменту перевода; 2) функционирование прототипа в неизвестном русскому языку или вышедшем из употребления значении; 3) большая актуальность некоррелятивного заимствования в данный момент.

6 Установлено, что существует константная зависимость между освоением составляющих компонентов лексического значения и способами передачи галлицизмов. Различные для каждого этапа приемы передачи заимствований – корреляция, субституция, сноски, этимологические замечания, пояснения, включение в текстовую синонимию – отражают различную степень освоенности галлицизма и могут меняться в различные периоды.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Теория и практика изучения французских заимствований (на материале переводов французской литературы конца XVIII – начала XIX вв.). – Казань: Изд-во Казан. техн. ун-та, 2001. – 195 с.
2. Лексика французского происхождения в русском языке (историко-функциональное исследование). Галлицизмы русского языка: происхождение, формирование, развитие. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2001. – 340 с.

Учебные и методические пособия:

3. Современный русский язык (лексика, орфоэпия словообразование, орфография). – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 1999. – 56 с. (в соавторстве с Никитенко Л.Г.)
4. Методическая разработка к практическим занятиям по курсу Современный русский язык (русское литературное произношение). – Казань, 1999. – 44 с. (в соавторстве с Гизатовой Г.К.)
5. Учебные задания по современному русскому языку (орфоэпия): для студентов заочного отделения. – Казань, 2000. – 45 с. (в соавторстве с Гизатовой Г.К.)
6. Современный русский язык: методическое пособие по научному стилю речи для иностранных аспирантов. – Казань, 2001 (в соавторстве с Аджели Мухамедом)

Статьи и тезисы докладов:

7. Из истории галлицизмов (на материале разновременных переводов французской литературы конца XVIII-начала XIX вв.) // Ученые записки отделения филология II университета Тампере / Под ред. Марья Лейнонен. – Тампере, 1986. – С. 38–51. (в соавторстве с Филипенко К.К.)
8. К вопросу о функционировании значений галлицизмов в русском языке // Русское сравнительное и сопоставительное словообразование. – Казань, 1986. – С. 119–122.
9. Галлицизмы в правленных переводах французской литературы конца XVIII – начала XIX века. – Казань, 1986. – 15 с. Деп. В ИНИОН, №27075. (Новая советская литература по общественным наукам: Библиографический указатель. Языкознание. – 1987. – №3).
10. К вопросу о критериях адаптации галлицизмов в русском литературном языке XVIII века. – Казань, 1986. – 13 с. Деп. в ИНИОН, №24663. Новая советская литература по общественным наукам: Библиографический указатель. Языкознание. – 1986. – № 9.

11. Галлицизмы в русском языке (на материале разновременных переводов французской литературы конца XVIII – начала XIX вв) : Автореф. дис...канд. филол. наук.–Баку, 1987. –21 с.

12. К хронологической характеристике галлицизмов // Методические материалы по проблеме гуманитаризация и проблемы преподавания иностранных языков в ВУЗе. – Казань, 1988. – С. 38.

13. О функциональной адаптации галлицизмов в русском литературном языке конца XVIII века// Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика. – Казань, 1989. – С. 173–177.

14. Особенности преподавания русского языка в национальной аудитории // О некоторых проблемах педагогики в высшей школе. –Казань, 1990.

15. Тезаурус общения как средство профессиональной подготовки // Сборник тезисов докладов и сообщений 16 научно-методической конференции.– Казань: Министерство обороны, 1993.

16. Требования к введению иностранных терминов в процессе профессиональной подготовки // Сборник тезисов докладов и сообщений 16 научно-методической конференции. –Казань: Министерство обороны, 1993.

17. Раннее введение профессиональной лексики в национальных учебных группах // Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Набережные Челны, 1993. – С. 140–141.

18. Бодуэн де Куртенэ и теория заимствования // Бодуэн де Куртенэ: Теоретическое наследие и современность: Тезисы докладов международной научной конференции. – Казань, 1995 – С. 45–47.

19. Правильные тексты как один из источников изучения заимствованной лексики // Вопросы гуманитарного образования: филологический и психолого-педагогический аспекты. – Казань, 1997. –С. 14–25.

20. Французские заимствования в переводах к. XVIII и русских этимологических словарях // Вопросы гуманитарного образования. –Казань, 1997. – С. 25–29.

21. Неравномерность эталов адаптации // Гуманитарные технологии в подготовке специалиста – Казань, 1997 –С. 8–13

22. О преподавании цикла гуманитарных дисциплин в техническом вузе (французский язык) // Гуманитарные технологии в подготовке специалиста. – Казань, 1997. –С. 13– 17.

23. “Ученый малый, но педант”... // А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: Тезисы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина.– Казань, 1998. –С. 104–105.

24. Повышение языковой культуры – важный фактор в системе профессиональной подготовки // Инновационные образовательные технологии на рубеже XX–XXI веков: Материалы международной научно-технической конференции : В 2 ч. – Казань, 1998. – Ч. 1. –С. 170–171.

25. Речевые ошибки у стажеров-иностранцев // Гуманитарные науки в профессиональной подготовке специалиста – Казань, 1998 – С. 11–13.

26. К вопросу об инновационной лексике // Новационные процессы в образовательных системах – Казань, 1999. – Вып. 1. – С. 71–74.

27. Галлицизмы в творчестве А.С. Пушкина // Провинциальная ментальность России в прошлом, настоящем и будущем: Материалы III Международной конференции. – Самара: Самарский государственный педагогический ун-т, 1999. – С. 62–63.

28. Русские переводы Вольтера к. XVIII – н. XIX вв.: функционирование французских заимствований // Гуманитарное образование в высшей школе: языкознание, педагогика, психология. – Казань, 2000. – С. 25–33.

29. К вопросу о времени вхождения заимствованных слов (на материале переводной литературы) // Гуманитарное образование в высшей школе: языкознание, педагогика, психология. – Казань, 2000. – С. 33–36.

30. Способы передачи лексики французского происхождения в русском литературном языке конца XVIII – середины XIX вв. // Гуманитарное образование в высшей школе: языкознание, педагогика, психология. – Казань, 2000. – С. 36–45.

31. О психологическом критерии адаптации заимствований (субституция как критерий функциональной освоенности галлицизмов в переводах) // Психология созидания: Ежегодник Российского психологического общества: Материалы научной конференции. – Казань, 2000. – Т. 7. – Вып. 2. – С. 191–194.

32. К вопросу о диахроническом подходе в преподавании филологических дисциплин // Язык образования и образование языка: Материалы международной научной конференции. – Великий Новгород, 2000. – 60–61.

33. К изучению лексики французского происхождения (диахронический аспект) // Новационные процессы в системе профессионального образования. – Казань, 2000 – С. 64–70.

34. Языковое воспитание и речевой этикет в структуре негуманитарного образования // Интеграция образования, науки и производства – главный фактор повышения эффективности инженерного образования. – Казань, 2000. – С. 133. (в соавторстве с Макаровой Н.И.)

35. Функциональное освоение лексики французского происхождения (на материале переводов к. XVIII – XIX вв.) // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Под общ. Ред. М.Л.Ремневой и А.А.Поликарпова. – М.: МГУ, 2001. – С. 300–301.

36. О диахроническом аспекте в методике изучения и преподавания французских заимствований // Язык и методика его преподавания: 3 республиканская научно-практическая конференция. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 34–38.

37. "Семантические атавизмы" в переводах XX века // Актуальные вопросы гуманитарных наук: языкознание, педагогика, психология. – Казань, 2001. – С. 25–32.

38. Характеристика переводов французской литературы XX века // Актуальные вопросы гуманитарных наук: языкознание, педагогика, психология. – Казань, 2001. – С. 32–40.

39. Семантическая история слова *портрет* // Основные проблемы современного образовательного процесса: Сборник статей XX межвузовской научно-методической конференции. – Казань: Министерство обороны Российской Федерации, 2001. – С. 81–85.

40. Лингвистический анализ ошибок переводчиков // Материалы международной конференции, посвященной Бодуэну де Куртенэ. (в печати).

Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 2,75. Усл. печ. л. 2,55. Усл. кр.-отг. 2,55. Уч.-изд. л. 2,57.

Тираж 100. Заказ Б138.

Типография Издательства Казанского государственного
технического университета

420111, Казань, ул. К.Маркса, 10

